одной мастерской или даже одного мастера: вся орнаментовка до мелких деталей в точности идентична... это возможно только при работе одного мастера или по одному образцу. Серьга № 1655 (рис. 22) имеет одну деталь, ныне исчезнувшую в херсонесском экземпляре,—золотой щиток; дело в том, что квадрига на серьгах требует какого-нибудь фона, на котором она была бы гораздо эффектнее. Этого фона в херсонесской серьге нет никакого, а между тем, на лондонском экземпляре имеется золотой щиток, повидимому, исполнявший именно декоративное назначение. Такая же серьга из Ким хранится под № 65 в Берлинском Антикварии. Следует, далее, заметить, что этот тип серег с тремя составными частями: розеткой, люнеткой и подвесками был довольно распространен в древнем мире, но с разными вариациями. Из находок следует на первый план поставить: серьги из Феодосии, изданные в „Древностях Босфора Киммерийского“ [83]). Этот экземпляр дает нам чрезвычайно усложненный сюжет: розетка почти такая же, как на херсонесском экземпляре, но средняя часть изображает квадригу, управляемую крылатой женской фигурой и нагой мужской. По бокам квадриги на первом плане (там, где растут фантастические деревья на херсонесском экземпляре) изображены две симметрически расположенные крылатые женские фигуры. Трактовка крыльев у всех совершенно тождественная крыльям женской фигуры на херсонесской серьге. Наружное украшение зернью люнетки, а внизу—незабудками и грифами—в точности напоминает херсонесскую серьгу. Такая же система трех родов подвесок, с той лишь разницей, что низ цепочек, кроме незабудок в кружках, имеет еще пальметки. Этот феодосийский экземпляр вызывает изумление у всех знатоков ювелирного дела сложностью, четкостью и чистотой работы, несмотря на малые размеры предмета.

Есть, далее, серьги с колесницей Гелиоса, хранящиеся в Париже, несколько, однако, отличающиеся по архитектонике от нашего типа серег. Более близкие примеры подобных предметов мы найдем опять-таки у нас, в богатых курганах Керченского и Таманского полуостровов. Эта культура Боспорского царства, близкая по духу Херсонесу, дает нам два курганных погребения, в которых были найдены такого же типа серьги, но более простые по сюжету, однако, не уступающие херсонесским серьгам по богатству орнаментики. Это, во-первых, серьги из так называемой гробницы жрицы Деметры в кургане Большая Близница на Таманском полуострове. Она издана, в числе прочего погребального инвентаря, на таблицах Альбома к Отчету Археологической Комиссии за 1865 г. [84]). Эти серьги несколько в деталях отличаются от херсонесской, но в главной части—в построении своих составных частей—они очень близки к херсонесскому экземпляру. Вверху они имеют розетку. Правда, эта розетка украшена только орнаментом из спиралей и цветочными длинными листьями. Центральная часть серьги состоит из люнетки, также украшенной мелкой зернью, но острия люнетки срезаны и на них выросли аканфы и пальметки. Этим

цветочным орнаментом декорируется место прикрепления люнетки к розетке посредством двух цепочек.

Внутри люнетки мы видим также цветочный орнамент: аканф, спираль, незабудки и пальметки. Под люнеткой мы видим только 8 шестилепестковых незабудок, декорирующих, как и на херсонесском экземпляре, место прикрепления подвесок (только на херсонесской серьге имеются еще головки грифов). Нижняя часть серьги со всей многосложной системой подвесок в точности напоминает херсонесский экземпляр.

Гробница, где найдена эта серьга, датируется находкой на тризне кургана золотого статера Александра Великого. Таким образом, курганные предметы могут быть датированы концом IV или началом III столетия до нашей эры. Чтобы не возвращаться снова к Большой Близнице, здесь же считаю необходимым указать на аналогию херсонесской серьги с золотым ожерельем в виде тесьмы с подвесками [85]). Это ожерелье внизу тесьмы украшено миниатюрными розетками-незабудками, а между ними, совершенно как внизу люнетки херсонесской серьги, изображены рельефные крохотные передние части грифонов с крыльями. Такое сходство в орнаментовке, разумеется, не может быть случайным. Оно говорит об общем происхождении и об одинаковой дате этих ювелирных произведений. Точно такой же аналогией для херсонесской серьги с квадригой может служить найденная в Куль-Обском кургане (в 3 верстах от Керчи, возле деревни Джерджавы) золотая серьга такого же типа. Она издана так же, как и феодосийская, в „Древностях Босф. Кимм.“ (табл. XIX, 4). Эти серьги состоят из розетки, покрытой внутри спиралевым орнаментом, и люнетки, украшенной так же, как херсонесская, мелкой зернью. Но подвесочная часть несколько иная в деталях: так, середина люнетки вместо квадриги занята каким-то странным цветочным орнаментом, среднее между цветком и геракловым узлом. По бокам люнетки сидят сбоку в симметричных позах две крылатых женских фигурки. Их крылья подняты кверху, напоминая этим такую же фигуру (возничего) на херсонесской серьге (рис. 23).

Другая серьга из Куль-Оба [86]) несколько напоминает серьгу из Большой Близницы: люнетка имеет по бокам большие розетки (вместо крылатых фигур), а в центре—пальметку. Обе куль-обские серьги имеют подвески на цепочках, почти так же сконструированные, как и на херсонесском экземпляре.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что херсонесский экземпляр серьги, имея полную аналогию в лондонском экземпляре, происходящем с о. Крита, и берлинском—из Ким, имеет много точек соприкосновения с целым рядом многочисленных ювелирных произведений этого рода. Совершенно очевидно, что это стилистическое и архитектоническое сходство надо понимать только в том смысле, что данные памятники принадлежат к одному и тому же кругу художественных влияний, обусловленных разными внешними и внутренними обстоятельствами [87]).

Если мы детально углубимся в рассмотрение этого стиля, мы в нем найдем, с одной стороны, чисто греческую любовь к орнаментике, о чем нам красноречиво говорят многочисленные пальметки, спираль, незабудки; о нем же нам говорит поразительное изящество в уменьи связывать отдельные части предмета в стройное целое [88]). Но, с другой стороны, херсонесские серьги и родственные им памятники дают пример той роскоши и пышности, которая характерна именно не для греческого материка, а для богатой Ионии, жившей в непосредственной близости с Персией и другими восточными культурами, от которых была заимствована греками эта любовь к эффекту, роскоши, к желанию блеснуть, поразить и проч. [89]). Таким образом, мы можем сказать, что наши серьги, согласно приведенным аналогиям и анализу их стиля, могут быть датированы, как произведение эпохи второй половины IV века до нашей эры, являясь как бы завершением, вместе с феодосийским экземпляром, длинного эволюционного процесса развития формы такого типа серег. Кроме того, можно утверждать, что родиной этих серег должен быть один из богатых центров Малой Азии или прилегающих островов, где только и мог выработаться и созреть подобный художественный вкус, любящий пышность, роскошь, блеск и многосложность, даже не считаясь с размерами предмета...

Серьги с подобным сюжетом, думается мне, были изготовлены специально для погребального обряда, так как сюжет, дающий внутренний смысл всему памятнику (четверка коней—эмблема смерти), несомненно, имеет отношение к погребению и к загробным воззрениям древних [90]).

Нахождение такого памятника в далеком Херсонесе показывает, с одной стороны, богатство херсонесской общины и отдельных граждан, с другой—высоту художественного вкуса и богатство средств его передачи. В этом далеком, затерянном среди воинственных варваров городе действительно неугасимо горел свет эллинства, лучом которого является нам этот поразительный памятник, пощаженный ревнивым временем [91]).

4. Золотые бляшки из гидрии № 5 (рис. 17).

Мы не останавливаемся подробно на золотом перстне, найденном в рассматриваемой нами гидрии № 5, потому что он представляет кольцо с утолщением в одном месте, не имеет нигде никакой надписи и изображения. Он ничего не может прибавить к нашим датировочным данным. Поэтому говорить о нем много не приходится.

Не останавливаясь на нем, переходим к многочисленным золотым нашивным бляшкам, найденным в этой же бронзовой гидрии № 5. Всего найдено одиннадцать разных бляшек. Из них 4—с изображением цветка аканфа, размером 15×19 мм. Они имеют по 6 небольших дырочек по бокам для пришивания. Интересны таких же размеров 5 бляшек с изображением Пана в фас. Черты его лица трактованы в типе пантикапейских монет. Местонахождение на нашивных бляшках Пана вполне объяснимо, если мы припомним, что Пан имеет отношение к загробному

культу. Несомненно, именно так и надо толковать изображение его здесь, на платье, в котором была одета покойница во время торжественного сожжения ее на погребальном костре.

На двух бляшках больших размеров (3,5×3 сант.), несмотря на сильную измятость, можно разобрать интересную композицию: представлена вырастающая из аканфа женская фигура, совершенно в том орнаментальном восприятии, как на фризе дидимейского храма. Эта женская фигура, изображенная в фас, держит в руках, схватив их за шею в геральдической позе, двух чудовищ, трактованных в виде фантастических грифонов. На женщине надет хитон с отворотом, с головы спускается „кредемнон", а поверх всего надет какой-то сарафан с отворотными полами и с поясом. На голове — нечто в роде стефаны или калафа. Несомненно, на нашивной бляшке мы должны предполагать изображение культового характера. Повидимому, мы видим перед собою богиню, которую можно отожествить с изображением на гемме из Вафио и на беотийской вазе, изданных у Лихтенберга в его „Доисторической Греции" (стр. 115 и 116 русского перевода), можно отожествить с изображением на известной бронзовой пластинке из Олимпии. Везде на этих памятниках изображена женская фигура, иногда крылатая (как на пластинке из Олимпии), сжимающая в руках двух зверей, находящихся в условной геральдической позе, как и на нашей херсонесской бляшке. Это, несомненно, изображение богини-матери, „владычицы сущего", почитавшейся в Малой Азии под названием Кибелы, Астарты и т. п.

Изображение ее на нашей бляшке не стоит одиноко: мы можем вспомнить бляшку из кургана Большая Близница на Таманском полуострове, где в гробнице жрицы была найдена подобная же нашивная бляшка и на ней изображена богиня с калафом на голове, вырастающая из аканфа и имеющая загнутые крылья в духе архаики.

Таким образом, перед нами древняя богиня Кибела или Астарта. Ее культ тесно связан с заупокойным культом и нахождение ее на бляшках было вполне уместно и понятно.

5. Серебряный перстень с изображением головы Афродиты (рис. 17).

В гидрии № 5 с вышеописанными золотыми предметами оказались также предметы из серебра. Из них наше внимание останавливает замечательный перстень, от которого, к сожалению, уцелел только щиток. На этом щитке диаметром 3,9 сант. в сильно выпуклом рельефе представлена голова богини Афродиты, чуть повернутая вправо. Гравировкой намечены вьющиеся волосы богини, рельефом же обозначен высокий кробил на голове. Волосы обрамляют невысокий лоб, делая его треугольным. Резкой линией намечены высокие брови, гравировкой же показаны зрачки глаз. Профиль лба и носа представляет одну прямую линию. Подбородок трактован массивным и округлым, в типе статуй V века. Шея богини также изображена подчеркнуто-выгнутой, „лебединой". На плечах богини (обычный мотив) представлены два крылатых Эрота, которые нагнулись к ушам богини, вдевая в них серьги. Крылья

Эротов длинные, высоко распластавшиеся кверху, и ими мастер заполнил пустое пространство на перстне. Взор Афродиты выражает мягкость и нежность. Он мечтательно устремлен вдаль, глаза как бы подернуты паволокой, что достигается их глубокой посадкой внутри глазных впадин. Этот мотив, уже несвойственный V веку, заставляет головку богини относить по стилистическим особенностям к IV столетию. Здесь только одна задумчивая мечтательность, свойственная, скорее, Праксителю. С ним же сближает наш рельеф также несколько продолговатая форма головы богини.

Перстень носит следы долгого употребления, повидимому, при жизни покойной. Сюжет, изображенный на щитке, показывает, что наш перстень, несомненно, был женским, так как Афродита является богиней-покровительницей женщин. Поэтому понятно также нахождение перстня в гробнице, как любимой вещи, как своего рода амулета, игравшего роль в жизни его обладательницы.

Блеск металла, из которого сделан перстень, заставляет думать, не примешано ли к серебру некоторое количество золота, благодаря чему щиток так хорошо сохранился (белое золото). Дело в том, что обычно серебряные предметы довольно плохо сохраняются в земле—примером может служить серебряный браслет из этой же гидрии, совершенно распавшийся от сырости склепа. На основании всего этого мы предполагаем, что к серебру примешано небольшое количество золота, что удостоверить может, однако, только химический анализ перстня.

Этот перстень должен быть датирован временем середины IV века до нашей эры. Слишком отодвигать дату к началу столетия вряд ли возможно, в виду стилистических особенностей рельефа. Говорить о более позднем времени также невозможно по тем же соображениям. Поэтому следует признать за возможную дату перстня—350—325 гг. до р. Х.

6. Два серебряных витых браслета с золотыми головками баранов (рис. 17).

Наконец, последними предметами из гидрии № 5 являются два совершенно одинаковые серебряные витые браслета с головками из накладного золота, представляющими собою головки баранов. В настоящее время вся серебряная часть совершенно рассыпалась и сохранились только втулки из накладного золота, украшенные орнаментом из пальметок с загибающимися книзу усиками, совершенно напоминая этим пальметки под ручками пелики, найденной в Павловском кургане вблизи Керчи и изданной Фуртвенглером и Рейхгольдом в их монументальном издании расписных ваз на 70 таблице.

Эта пелика датируется в настоящее время 380—370 гг. (см. „Материалы по археологии России“, № 35, стр. 136, II приложение; ср. стр. 126, № 3. Отчет АК за 1859 г., стр. 10 и слл.).

Кроме пальметочного орнамента, втулки снабжены еще орнаментом из ов, двойного витого шнурка и зерни. Браслеты заканчиваются головками баранов, изображенных лепкой и гравировкой. Этот тип браслетов

не является новым. Мы видим его идущим из Ассирии и входящим в греческий обиход с глубокой древности, со времени V века.

Подобный серебряный браслет с золотыми головками баранов мы видим, например, в коллекции Нелидова, изданной Поллаком (табл. XVII, № 400). Издатель правильно замечает, что перед нами обычный тип браслета с вариациями головок животных: встречаются головки льва, теленка, змеи и т. п.

Таким образом, на основании стилистических особенностей орнаментовки браслетов мы можем их датировать временем около середины IV века до нашей эры, что совершенно согласуется с датой прочего инвентаря этой гидрии № 5.

Таким образом, время жизни обладательницы всех погребенных с нею драгоценностей может быть датировано, судя по более старым предметам погребения, как-то: ожерелья в виде жгута с пряжкой, перстня с Афродитой и этих браслетов, первой половиной IV столетия. Судя же по золотому ожерелью в виде тесьмы с подвесками и серьгами с четверкой коней—речь может итти и о второй половине IV века, если вспомним, что наши аналогии вели нас в эпоху Александра Македонского и позже. Таким образом, если мы, на основании всех этих аналогий, будем считать время жизни владелицы между 350—300 гг., приблизительно, то мы вряд ли ошибемся.

Гидрия № 6. В этой, также бронзовой, гидрии, которая от сырости склепа распалась на куски, не оказалось ничего, кроме жженых костей и пепла. Эта гидрия стояла в самом углу склепа и являлась, судя по положению, одной из первых по времени погребения.

Погребение № 7. Наконец, самым последним погребением, закончившим период действия склепа, бесспорно, является то, кости и пепел которого мы находим сваленными в беспорядке у самого входа в склеп. Уже К. Косцюшко-Валюжинич совершенно правильно отметил, что перед нами „останки последней представительницы рода и что при этом отсутствовало близкое лицо, которое озаботилось бы о должной торжественности погребального обряда“. Повидимому, труп был сожжен здесь же, у входа, а прах со всеми драгоценностями и пеплом был брошен в склеп в непосредственной близости от входа в склеп. Эта небрежность и поспешность отразились также на заделке входной плиты, закрывавшей склеп. Настолько бросалась в глаза эта небрежность, что Косцюшко предположил-было, что склеп был ограблен еще в древности... К счастью, как мы видели, это предположение не оправдалось...

Как мы уже видели, при открытии склепа сразу же были обнаружены за камнем заклада жженые кости, уголь и зола, а между стеной и плитой затвора оказалась придавленной золотая бляшка величиной 3,3×7 сант. с изображением „владычицы сущего“ описанного ранее типа. Поверх жженых костей, скученных у входа, лежал массивный золотой перстень, диаметром в 2 сант., с овальным гладким щитком. Этот перстень чрезвычайно напоминает такой же золотой перстень, найденный в гидрии № 5.

Здесь же рядом были найдены бесформенный кусок толстой золотой бляшки и 2 золотые прямоугольные бляшки с тисненым изображением Пана совершенно такого же типа, как вышеописанные (инвентарь гидрии № 5). При просеивании через грохот земли и праха найдены еще 4 бляшки с изображением цветка аканфа, золотой рожок в 3,3 сант. длиной, с ушком, сильно помятый; 8 стеклянных кружков, от 1,4 до 2 сант. в диаметре, гладких с одной и выпуклых с другой стороны, очень попорченных; 16 терракотовых, со следами позолоты, украшений неизвестного назначения, в том числе 3 цикады, 3 кисти винограда, 10 гвоздиков с широкими шляпками до 1,4 сант. в диаметре; 52 шарика из терракоты, разной величины, со следами позолоты, с дырочкой, не проходящей насквозь; 36 обломков от костяного ларчика (?) тонкой работы, в виде розеток, карнизиков, наугольников, стрелок, некоторые со следами узоров и, наконец, 54 бронзовых гвоздика с плоскими шляпками, разной величины, до 2 сант. в диаметре.

Исследуя этот инвентарь погребения № 7, мы встречаем в нем знакомые уже предметы, как-то: нашивные бляшки всех трех типов, которые нами были встречены в гидрии № 5, датированной временем около конца IV века, а также подобный же золотой перстень. Остальные встреченные здесь предметы не являются датирующими и показывают только, что вместе с трупом на погребальном костре был сожжен ларец, украшенный снаружи терракотовыми прилепами. Подобный, вероятно, ларчик изображен на известной керченской кальпиде, изданной в № 35 „Материалов по археологии России“, табл. III, ларчик на руках второй женской фигуры слева от зрителя (на нем Эрот) и ларчик в руках Эрота, украшенный, повидимому, подобными же прилепами. Способ украшения прилепами известен давно. Он часто употреблялся при украшении саркофагов (ср., например, известные керченские саркофаги с ниобидами и др. украшениями).

Погребение № 7, таким образом, могло бы быть датировано также временем конца IV в. до нашей эры, но это было последнее погребение нашего подстенного склепа.

И вот, если подвести итоги всем отдельным моментам погребений в этом склепе, то окажется, что самое позднее погребение—гидрия с ожерельем, украшенным пряжкой с поющей сиреной, так как по стилю ожерелья, по находке перстня с изображением Афины в стиле монет Лизимаха, погребение должно быть датировано первой половиной III столетия до нашей эры. Но если это так (а это, думается мне,—бесспорно), то последнее погребение должно быть во всяком случае позже всех прочих погребений этого склепа. Но в последнем погребении мы встречаем ряд памятников, которые встречаются в гидрии № 5 (золотой гладкий перстень, нашивные бляшки с изображением аканфового цветка, Пана, богини сущего). Это совпадение не может быть случайным. Оно доказывает, что погребение в гидрии № 5, несмотря на датировку ювелирных поделок IV веком, само погребение должно быть датировано несколько позже, так как оно связано единством

инвентаря с погребением № 7, а последнее датируется находками в гидрии № 4 первой половиной III века. Все эти выводы говорят за то, что перед нами фамильный склеп, восходящий, несомненно, к IV веку: за это говорят ювелирные произведения IV века. Но этот склеп продолжал существовать также в эпоху III века, когда было совершено последнее погребение у входа в склеп.

Драгоценности этого подстенного склепа № 1012 показывают богатство древнегреческого Херсонеса, его материальную мощь и его тесную культурную связь с далекой Элладой. Экономическая мощь Херсонеса получалась вследствие его выгодного географического положения. Находясь между Малой Азией, Ионией и Грецией—с одной стороны, и обширной Скифией с ее необозримыми степями—с другой, Херсонес играл роль торгового посредника между этими странами. Кроме того, Херсонес быстро завладел огромной областью западного Крыма от нынешней Балаклавы до Евпатории. Доказательством этого служат, с одной стороны, данные присяги херсонаситов, а также надписи в честь Диофанта, с другой—многочисленные остатки военных сооружений, в виде башен, стен и хозяйственных сооружений, во множестве разбросанных по всему пространству Гераклейского полуострова.

Если подстенный склеп № 1012 должен быть датирован между 325—250 гг. до нашей эры, то каково время сооружения оборонительной стены, в которой сооружен этот погребальный склеп? Разумеется, время сооружения стены должно быть датировано по наиболее ранним предметам погребения. Из них серьги являются самым надежным хронологическим критерием, а они, судя по анализу стиля и сопутствующим аналогиям, должны быть датированы второй половиной IV века до р. Х. Таким образом, судя по данным склепа, нижний ярус оборонительной стены должен восходить к времени между 350—300 гг. до нашей эры.

Сделав этот вывод, познакомимся с древнегреческими воротами нижнего яруса стены и познакомимся с кладками этого яруса, чтобы путем аналогий по кладке подкрепить или изменить сделанный датировочный вывод.

ГЛАВА II.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ ВОРОТА ХЕРСОНЕСА [92]).

Древне-греческие ворота на южном участке оборонительной стены Херсонеса давно уже привлекали внимание ученых исследователей. По точности и четкости античных традиций, по прекрасной сохранности во всех деталях эти ворота могут быть поставлены наравне с первоклассными памятниками древнего мира. К этому необходимо прибавить еще документально обоснованную датировку.

Прежде всего, познакомим читателя с тем, что такое представляют эти древнегреческие ворота Херсонеса. Они находятся на южном участке оборонительной стены („Е" на плане рис. 1) и представляют собою „пролом" в линии обороны. Поэтому, по правилам древней фортификации, ворота, как вообще слабое место в линии обороны, должны быть по особенному укреплены [93]). Ворота должны выдерживать натиск живой силы противника и его стенобитных орудий, не говорю уже о метательных ядрах. Для этого ворота обычно снабжаются укрепительными сооружениями в виде наружных башен, с одной стороны, и в виде пилонов внутри для удлинения прохода,—с другой стороны. Херсонесские ворота снаружи имеют защиту в виде полукруглой башни, от которой хорошо сохранилось еще два ряда камней (см. рис. 2, а). Кладка этих камней сухая, при чем кладка, сделанная в переплет с кладкой нижнего яруса оборонительной стены, поражает тщательностью пригонки и старательной отеской каждого камня. Размеры их таковы: 0,5 × 1,5 м. (в среднем). На приложенном рисунке хорошо видны сохранившиеся ряды древней кладки. Впоследствии вместо полукруглой башни была выстроена на ее месте четыреугольная, сохранившаяся и по-сейчас и хорошо видная на фотографии (рис. 2, а, б).

Радиус сохранившейся древнегреческой кладки этой полукруглой башни может быть нами с большой долей достоверности восстановлен на основании сохранившейся части окружности. Этот радиус, равный около 4—5 м., довольно близко подходит к радиусу древнегреческого ядра херсонесской башни Зенона, а также древней башни возле калитки и стены II века (радиус ядра башни Зенона—4,08 м., радиус башни возле калитки—5 м.).

Таким образом, эта башня XIV, в плане полукруглая, должна была защищать ворота. Правда, необходимо отметить, что здесь мы не наблюдаем применения того общего правила, которое известно еще с древнейших времен в Греции, а именно, правила, согласно которому вход в крепость должен устраиваться с левой стороны от башни,

считая со стороны нападающих. И это имело свой военный смысл: древний воин имел в правой руке меч и копье, а в левой—щит. Таким образом, незащищенная сторона нападающих будет подвержена обстрелу со стороны защитников города, стоящих на башне. Эта античная традиция здесь, в Херсонесе, не принята во внимание. Быть может, предполагали выстроить башню и справа от ворот, на том месте, где впоследствии построены римские склепы. Трудно сказать. Быть может, два сохранившиеся небольших выступа в оборонительной стене и представляют собою приготовленное место для постройки другой башни. В греческих городах мы довольно часто видим городские ворота, фланкированные снаружи двумя большими башнями: см. ворота в северной части Ольвии, см. „Мегалопольские“ ворота в Мессене [94]), построенные Эпаминондом в 370 году до нашей эры и имеющие внутренний двор в виде круга диаметром в 19,7 м. Наконец, такой же пример дают нам ворота в Мегаре Гиблее (рис. 24).

На расстоянии 5,47 м. от вышеописанной херсонесской башни XIV находятся ворота (рис. 2 и 25). В плане они представляют довольно широкий длинный проход, длиной 8,67 м., сделанный в линии оборонительной стены. Чтобы проход был длиннее, а это было необходимо по военным соображениям, он имеет продолжение в виде двух пилонов, далеко выступающих внутрь города за линию стены. Такое устройство городских крепостных ворот в виде узкого прохода идет из глубокой старины: еще ворота Трои, находящиеся в юго-западной части троянского городища, устроены совершенно таким же образом: пройдя отлого поднимающуюся рампу, вы попадаете в коридорообразный проход, длиной более 14 м., при чем справа перед входом вы видите башнеобразный выступ стены, несомненно, играющий роль башни, защищающей ворота (ворота „FM“ рис. 26). Такого же устройства и другие ворота Трои, находящиеся в юго-восточной части городища, под литерой „FO“. Эти ворота более мощные и имеют в длину 23 м., при чем в обоих случаях троянские ворота имеют следующее внутреннее устройство: впереди (снаружи) мы имеем две далеко вперед выступающие анты, играющие роль передовых башен, длиной в среднем в 5 м., затем идет первый запор. Таким образом, получается нечто вроде наружного двора, важного для защитников. Этот наружный двор почти обязателен для античных ворот, судя по воротам Мантинеи, Мессены. Пройдя через порог, вы попадаете во внутреннюю часть ворот, таких же, приблизительно, размеров, как и передний дворик. Затем следует второй запор и опять совершенно такой же дворик, образуемый выдающимися вперед антами, но внутрь городища [95]). Таким образом, перед нами тип так называемого д и п и л о н а, т.-е. двойных ворот, смысл устройства которых состоит в том, что при нападении большого количества врагов последние не могут сразу вломиться в большом числе. Наружный двор сыграет роль своего рода ловушки, где врага легко можно расстрелять с окружающих высоких выступов, играющих роль башен. Кроме того, если бы враг прорвался во внутренний двор между двумя запорами,

то здесь ему пришлось бы совсем плохо, в виду тесноты помещения, а защитники имели бы выгодные позиции, поражая с высот своего врага. Словом, такое устройство ворот вело к тому, что численность нападающих была им во вред, они теснили бы самих себя, не достигая цели, но будучи поражаемы защитниками крепости, находящимися в выгодной позиции. Такое устройство ворот удержалось в течение долгого времени, и типичным, ярким примером такой системы может служить афинский „дипилон“ [96]), т.-е. двойные ворота, которыми заканчиваются Пирейская и Элевсинская священные дороги, а особенно южные ворота Пергама [97]). Если мы обозрим ворота других греческих городов, то мы найдем преобладающим именно этот дипилонский тип ворот: крепость Гортины в восточной своей части имеет ворота, перед которыми широкий и довольно-таки открытый двор, самые же ворота устроены в виде длинного коридора [98]). Такая же картина наблюдается в аркадском городке Алее, ворота внутренней крепости которой устроены также в виде коридора [99]). Но особенно рельефно такое устройство ворот проявляется в пелопоннесском городе Мантинее: наше внимание привлекают сооруженные в 370 году до нашей эры ворота, фланкированные двумя огромной величины круглыми башнями при входе. Затем самый проход трактован в виде четыреугольного поместительного двора, снабженного двумя запорами, в начале и в конце. Принцип дипилона вполне соблюден [100]).

Укрепления города Мегары Гиблеи в Сицилии, между Сиракузами и Катаной, дают аналогию к памятникам Херсонеса. Так, например, ворота с башней расположены так же, как в Херсонесе, влево от входящего (рис. 24).

Город Мегара Гиблея был выстроен в конце VIII века до нашей эры и был разрушен сиракузским тираном Гелоном в 482 году. Когда же афиняне прибыли в Сицилию в 425 году, то на месте Мегары были одни развалины, как нам передает Фукидид.

Вся стена города имеет всего около 3.400 м. и имеет толщину 2,80 м. Стена имеет нижние фундаменты 5 башен, диаметр которых около 7 м. Расстояние между отдельными башнями равняется 35—45 мм. Ворота Мегар представляют собою, как это видно на рисунке, длинный коридор, шириной 3 м., длиной 11 м.; в середине этого коридора видны два выступа для защитников небольших размеров, несомненно, для наилучшей защиты ворот. Башня, наиболее близкая к воротам, находится слева от входящего в город и отстоит от ворот на расстоянии 5 м.

Мегара представляет наиболее раннюю аналогию для херсонесских ворот. Ворота Мессен и Мантинеи, хотя и дают те же принципы устройства городских ворот, но общности принципов еще недостаточно для того, чтобы говорить об аналогии.

Из приведенных примеров мы можем вывести заключение, что принцип коридорообразного устройства городских ворот, какой мы наблюдаем в воротах Херсонеса, восходит к временам микенской культуры, являясь наиболее распространенным в древнегреческую эпоху.

Ворота Херсонеса имеют ширину проезда (снаружи) 3,63 м., высота (чисто условная, до начала следующего яруса кладки римского времени),—2,88 м. Снаружи ворота снабжены чуть выступающими антами; размер выступа из линии стены 10—12 см. Если взять ширину ворот не от выступов, а от чистой кладки, то будет 3,87 м. При входе в ворота мы замечаем, что левая анта покоится на большой плите длиной 1,02 м., 0,62 м. шириной и 0,31 м. толщиной. Эта плита врублена в скалу, на которой вообще воздвигнуты ворота и оборонительные стены, согласно древнему принципу военного строительства, который чрезвычайно точно выполнялся греческими и римскими зодчими,—правило гласит, чтобы все военные сооружения воздвигались обязательно на скале [101]), а где таковой нет, чтобы устраивали искусственный фундамент, каковой был неоднократно встречен, например, при раскопках Ольвии в виде так называемых „слоевых субструкций", состоящих из прочного горизонтального связывания земли слоями золы, пепла и глины, правильно друг с другом чередующихся [102]). В Херсонесе (рис. 27) все античные сооружения, будь то отдельные дома или же оборонительные стены,—все построены на скале, как на фундаменте. При входе в ворота, на расстоянии 0,75 м. от углов ворот, на высоте 1,02 м. от скалы берут начало прямоугольные пазы в 0,155 м. ширины и 0,089 м. глубины, идущие прямо вверх (рис. 28). В правой стене ворот паз имеет 1,77 м. длины, а в левой он несколько выше, по измерению Косцюшко,—до 2,31 м. При чем необходимо сказать, что его конец скрыт кладкой римской эпохи, так что нельзя ручаться за точность этих размеров. Здесь же должен оговориться, что разница в высоте может быть вообще оспариваема, так как высоты ворот мы не знаем и не можем в данное время узнать, в виду того, что в римское время ворота были заложены и перестали существовать, будучи засыпаны землей. Тщательные штудии летом 1924 и 1925 годов убедили нас в неравномерной длине пазов, но за точность приведенных цифр трудно поручиться в виду неоднократных переделок балки, поддерживающей античную и ранне-средневековую кладку, находящуюся над воротами и представляющую в настоящее время как бы перекрытие ворот [103]). (См. рис. 2).

Что это за пазы, для какой цели они были устроены? Военный инженер Бертье-Делагард, по нашему мнению, совершенно правильно предполагает здесь падающую железную решетку с зубьями внизу, для защиты которых и сделаны пазы только на известной высоте, чтобы зубья не ломались о мостовую [104]). Предположение Косцюшко о железных балках, вкладывавшихся в минуты опасности, вряд ли приемлемо, в виду небольшой глубины пазов, а также в виду большой тяжести подобных балок [105]).

Кроме того, Бертье-Делагард совершенно правильно говорит [106]), что подобная падающая решетка была хорошо известна античному военному искусству; действительно, о ней нам говорит Эней в IV веке до нашей эры (XXXIX, 3), ее же описывает Вегеций в IV в. по р. Х.

„Катаракта“ (так называлась падающая решетка) должна была служить первым запором входа в город [107]). В геркуланумских воротах в Помпеях имеются пазы от катаракты. Конечно, в случае осады этот первый запор с внутренней стороны заваливался землей, камнями, бревнами, чтобы создать соответствующий отпор неприятелю. Кроме этого первого запора, мы видим в середине ворот особые выступы, которые были местом прикрепления второго запора ворот, несомненно, в виде двух створок. Размеры северного выступа: размер выступающей части внизу—0,60 м., вверху—0,30 м. На высоте от скалы, на которой стоит этот северный выступ, мы видим отверстие трапециевидной формы, глубиной в среднем—0,40 м. Размеры этого отверстия таковы: длина внизу—0,88 м., сбоку слева высота: 0,40 м., справа высота—0,28 м., длина вверху по краю—0,88 м. Назначение этого отверстия понятно. По всем признакам, это место прикрепления запора, запиравшего створку ворот.

Что это должно было быть так,—доказывает существование в этом же месте у другого пилона (южного) такого же отверстия, но проходящего через пилон насквозь. Несомненно, перед нами следы запора в виде засова-бревна, проходившего через южный пилон насквозь. Южный пилон, в отличие от еще нераскопанного северного, (на нем стоит монастырская сторожка у ворот и стена усадьбы)—раскопан целиком и имеет точно такой же выступ как раз против подобного выступа северного пилона. Размер выступа южного пилона следующий: выступающей части длина—0,64 м. (ср. рис. 25 и 29).

Южный пилон, равно как и северный, имеют у выхода в город особые утолщения, своего рода анты, которыми заканчиваются ворота. Северный пилон, находящийся под стеной монастырской ограды, не мог быть раскопан в свое время. Так и остался не раскопанным, как видно на фотографии. Размеры видимой части пилона: общая длина пилона—4,80 м.; длина от анты до анты—2,15, а включая анты—3,60 м.; сохранившаяся высота—2,87 м. Толщины дать нельзя, в виду незаконченности раскопки. Южный пилон, наоборот, раскопан целиком, и его размеры следующие: длина—4,80 м., ширина—3,14 м., высота (сохранившаяся) возле нового контрфорса—3,30 м.

Следует обратить внимание на имеющиеся следы какого-то, равномерно идущего во всю высоту воротного пилона, небольшого, еле заметного углубления, которое можно скорее всего принять за место укрепления деревянной рамы в каменном сооружении, каким является пилон. Рама была необходима для утверждения деревянных створок ворот. Подобных следов укрепления деревянных рам мы насчитали в четырех местах, а именно, возле выступов по середине пилонов и у краев пилонов, около ант, находящихся с внутренней стороны ворот (см. рис. 29 и 30).

Познакомившись с планом и описанием устройства ворот, мы должны перейти к чрезвычайно важным наблюдениям относительно древней кладки этих ворот. Дело в том, что каменная кладка, которая связана с вопросом датировки ворот, неодинакова во всех частях

ворот, что, однако, до сих пор нигде не отмечено. Нижняя часть ворот и прилегающих к ним частей городской оборонительной стены сложена из прекрасно отесанных, математически точно пригнанных друг к другу плит так называемой „финикийской“ кладки. Средний размер камней, состоящих из довольно твердого желтоватого известняка, следующий: длина—1,46, ширина—0,64 и 0,26×0,64 м. (рис. 2, х).

Эти камни, средняя часть поверхности которых оставлена нарочно необработанной, притесывались и точно пригонялись друг к другу уже на месте. На камнях в некоторых местах заметны особые знаки в виде отдельных букв. Эти знаки делались греческими каменотесами, в расчете, что эта средняя поверхность должна быть в дальнейшем совершенно стесана. Сохранившиеся буквы дают некоторым образом дату стены. По определению академика В. В. Латышева, эти буквы-знаки каменотесов могут восходить ко времени конца V столетия до нашей эры, во всяком случае принадлежат классическому времени, судя по их начертаниям (рис. 31). Таким образом, перед нами хронологическая „зацепка“, ведущая нас совершенно определенно в эпоху строительства древнегреческой эпохи.

Все камни положены друг на друга насухо, без всякого связующего вещества, т.-е. перед нами „сухая кладка“, характерная для традиций античного строительства. Каждый камень не имеет никаких приспособлений для более легкого поворачивания, так как, благодаря сравнительно небольшой величине, эти камни могли свободно укладываться на место и передвигаться силой рук одного-двух человек.

Для того, чтобы эти камни, не будучи ничем скреплены, все-таки не могли легко поддаваться ударам извне, чтобы выстроенная таким образом стена отличалась прочностью и крепостью, камни между собою скреплялись особыми связями, от которых на отдельных камнях сохранились вырубы в форме ласточкина хвоста (пироны). Самые связки, несомненно, были сделаны из дерева и выгнили без остатка. Эти деревянные скрепы были нужны только на первое время и отлично могли служить противодействием против возможной осадки стены. Хотя Бертье-Делагард не соглашался с Косцюшко-Валюжиничем по поводу такого объяснения, но сам себе он противоречит в конце своей работы, давая подобное объяснение этим скрепам при описании подстенного склепа [108]). Словом, все данные указывают на целесообразность этих временных деревянных скрепов. Впоследствии, когда была выстроена вся стена и когда она устоялась, надобность в них исчезла. Надо принять во внимание отсутствие в то время сильных стенобитных орудий... С развитием техники и изобретением дальнобойных орудий должна была измениться и техника кладки, что мы видим уже в более высоких ярусах кладки (в поздне-римское и византийское время).

Такой древнегреческой „классической“ кладки (ее мы так и будем называть впредь) мы видим в воротных сооружениях всего шесть рядов.

Но, однако, этой одной кладкой не исчерпывается сооружение ворот. Над ней (см. рис. 2, у), на высоте 2,18 м. сверху „классической“

кладки ровными квадрами почти одинаковой высоты мы видим кладку, также положенную насухо, но величиною и чередованием камней совершенно отличную от предыдущей кладки, а именно: система чередования камней и величина этих камней совершенно и резко отличаются от первой кладки. Здесь, прежде всего, камни неодинаковой формы. Если один ряд камней имеет высоту камня 0,28 м., то следующий ряд камней положен совершенно других размеров: их высота—0,64 м., длина—1,46. При чем должно заметить, что и эти камни, положенные в первом ряду, совершенно правильно чередуются с камнями, положенными на узкий край (размер их: длина—1,60, высота—0,28 м.). Такая система кладки обычно на техническом языке называется „кладка кордоном на ребро, плитой на образок". Эта система кладки нам хорошо известна из раскопок Ольвии.

Оборонительная стена Ольвии, обнаруженная в 1903 и 1904 гг. на юге ольвийского городища, в Заячьей Балке, как раз дает нам ту же систему „кордонов на ребро, плиты на образок". В Ольвии эта стена довольно точно датируется концом IV или первой половиной III столетия до нашей эры, т.-е. эллинистической эпохой [109]).

Прекрасным параллельным примером может служить кладка мессенских главных ворот, так называемых „Мегалопольских", дающая такую же систему чередования узких и широких камней с оставлением неотесанных рустов в средней части плит. Крепостная ограда Мессены датируется, как известно, эпохой Эпаминонда, т.-е. 370 г. до р. Х. Кладка „Мегалопольских" ворот как раз и дает именно подобную систему кладки.

Таким образом, параллели из ряда греческих городов говорят нам за то, что эту вторую, встретившуюся в Херсонесе, кладку в системе „плиты на образок, кордоны на ребро" мы имеем право датировать второй половиной IV или первой половиной III века до р. Х. и называть эту кладку „ранне-эллинистической". А. Бертье-Делагард неправильно называет ее кладкой второго яруса. Это не соответствует действительности, так как эта кладка на куртинах 16,17 и др. встречается с внутренней стороны стены в первом ярусе.

Говоря об этих воротах Херсонеса, следует познакомиться с историей их открытия в 1899 году, так как многое, констатированное раскопкой, уже бесследно исчезло. Раньше, до раскопок [110]), из земли торчали только верхние части византийских стен, лишенные своей наружной облицовки, растащенной окружными жителями на постройки, как прекрасно обработанный строительный материал. Здесь же виднелись остатки проходной калитки, сделанной в стене, несомненно, для военных вылазок. Эта калитка имела каменный порог, истертый пешеходами, указание на то, что калитка служила проходом в течение довольно долгого времени. Открытие древнегреческих ворот, находящихся внизу, под калиткой, произошло так. Отчет руководителя раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича, напечатанный в Известиях Археологич. Комиссии (вып. I, СПБ. 1901, стр. 1 и слл.), говорит:

„Под калиткой „а“ с мраморным порогом (византийского времени) были обнаружены с внешней стороны стены два шва, отвесно спускавшихся вниз в расстоянии 3,65 м. друг от друга. Стена между ними (т.-е. заклад ворот) была обработана рустиками, но не так старательно [111]); так как швы доходили до самой подошвы скалы, на которой покоится стена, то у меня явилось предположение, не находились ли здесь ворота древнего города, признанные в римскую эпоху не отвечающими требованиям разросшегося города или стратегическим условиям и потому заложенные, при чем новые ворота могли быть устроены южнее, под защитой круглой фланговой башни „Е“, так называемой нами „башни Зенона“.

Эти слова раскопочного отчета для нас интересны, поскольку в них говорится о технике кладки стены, заложившей проход через ворота. Оказывается, что стена также обработана рустами, но не так тщательно, как стена обороны. Хотя покойный К. Косцюшко, разумеется, слишком пригляделся к римским стенам Херсонеса, чтобы уметь в них разбираться, и мы имеем все данные верить ему на слово, но все-таки чрезвычайно досадно, что этот археологический момент (именно момент...) не был зафиксирован никакой фотографией или рисунком...Все-таки для нас чрезвычайно интересно было бы воочию увидеть подробности этой древней кладки, чтобы связать ее с имеющимися кладками Херсонеса.

Но послушаем далее отчет: „Составив себе план, каким образом при разборке кладки внутри предполагаемых ворот возможно было бы сохранить находящуюся сверху калитку „а“, указывающую уровень римской (?) эпохи, я начал разбирать эту часть стены от подошвы узкими полосами, выбрав предварительно находившийся снизу слой земли в 0,7 м. толщины. Вынув узкую полосу заложенной кладки на высоте 3,2 м. (вынимать выше было и опасно и бесцельно) и укрепив освободившийся верхний ряд деревянным столбом, я передвигался тем же способом дальше, пока не вынул всех камней. Результат этой трудной и опасной работы превзошел мои ожидания: здесь, действительно, оказались древние ворота, превосходно обработанные рустиками, удивительной сохранности, с вертикальными пазами по бокам для железных перекладин... Скала, в которую врублены плиты, составляющие фундамент ворот, возвышается здесь над уровнем моря на 2,15 м. и значительно понижается к югу, к Карантинной бухте“.

Здесь для нас важно то, что стена, заложившая проход, стояла не на скале, как строят обычно древние греки, а стояла на земляной присыпке высотой 0,7 м.

Таким образом, получается вывод, что ворота перестали существовать не сразу после их сооружения, как предполагает Бертье-Делагард, а только в следующую культурную эпоху, около I века до р. Х.

Следует прибавить, что ворота построены на скале, которая заметно понижается по направлению к выходу. Поверхность земли в древнее время была на много выше уровня самой скалы и до сих пор ее можно восстановить по уровню выступа сбоку прохода ворот.

Рис. 32.

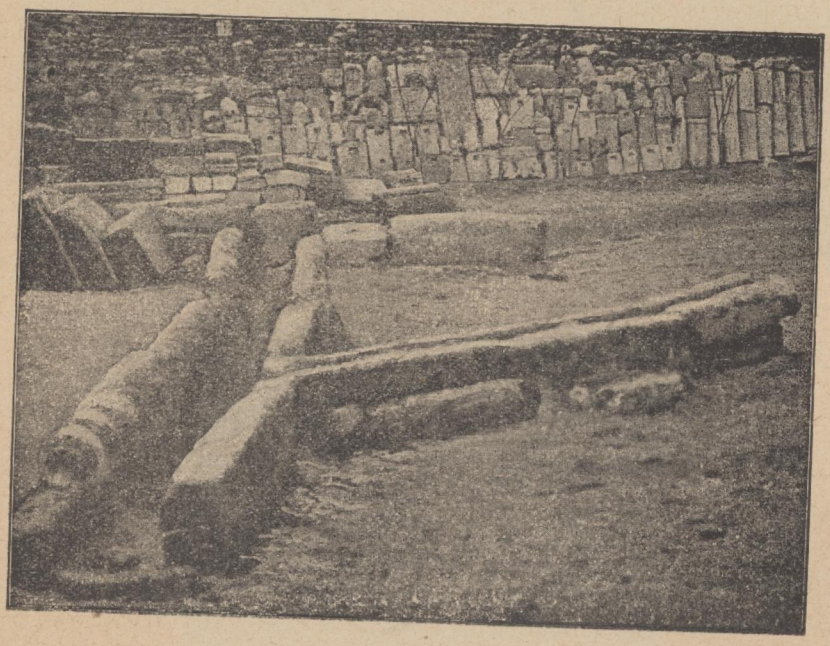

Рис. 33.

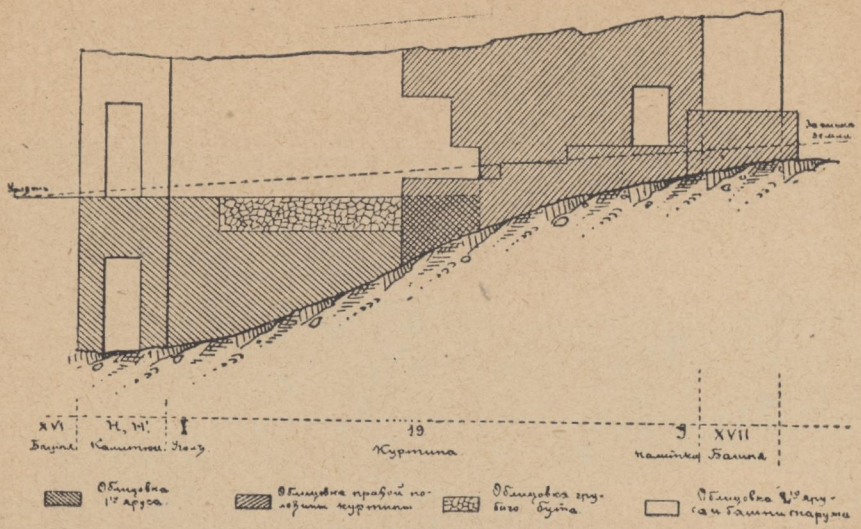

Рис. 34.

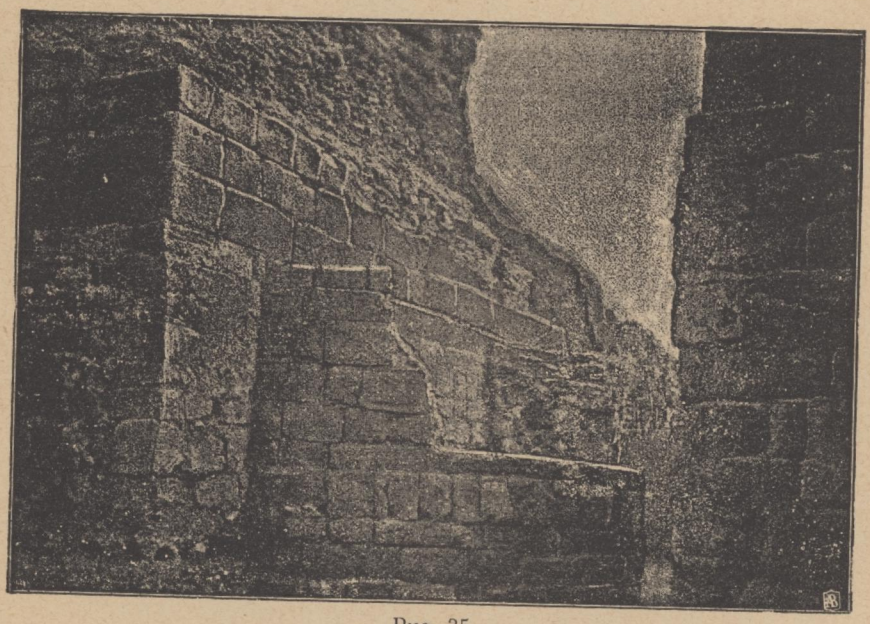

Рис. 35.

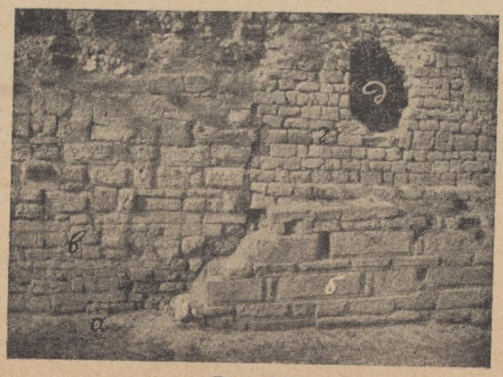

Рис. 36.

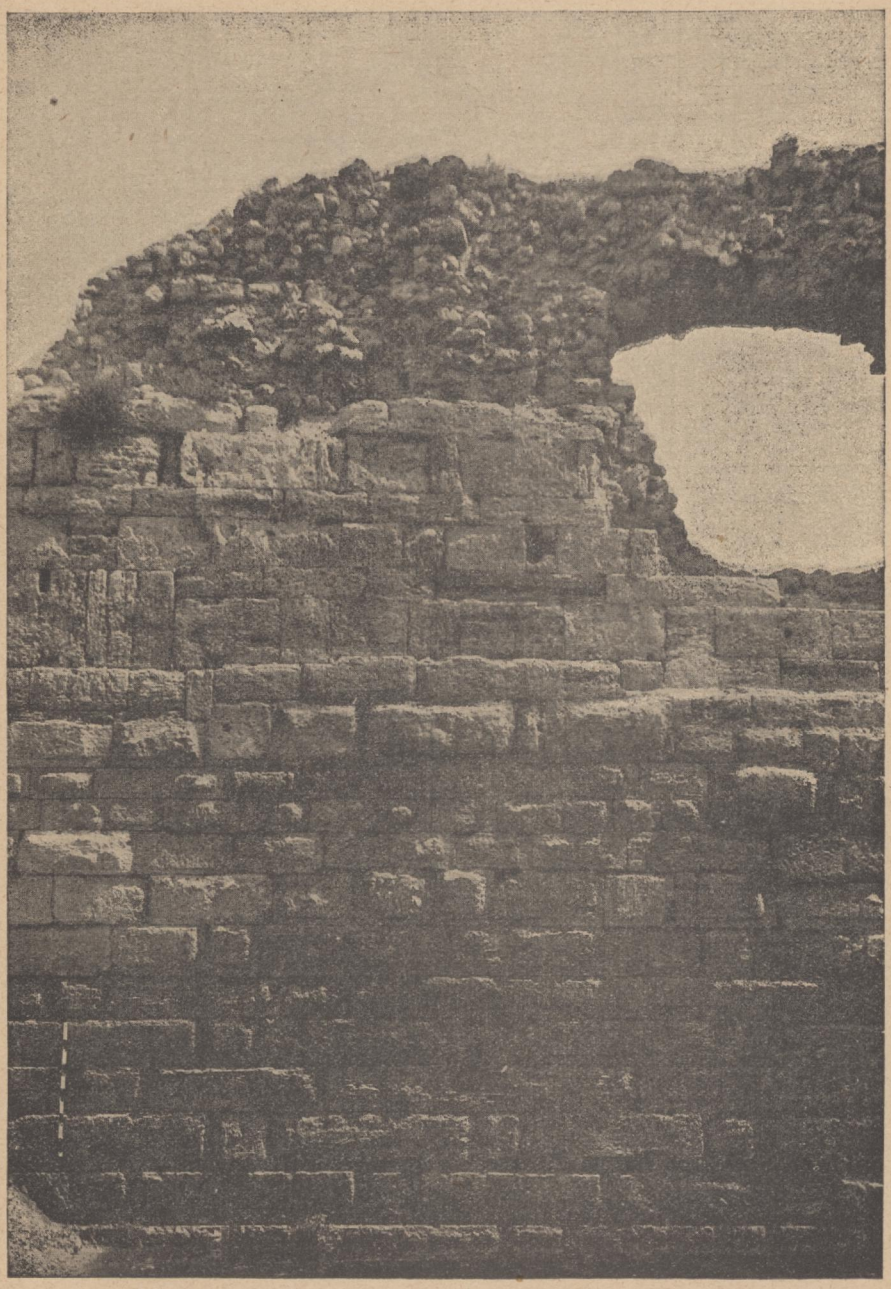

Рис. 37.

Рис. 38.

Южный пилон имеет боковую лестницу, ведущую на верхнюю часть пилона и, повидимому, на оборонительную стену. Правда, в настоящее время эта лестница сохранилась только отчасти: от нее дошло до нас только две ступени. „Лестница“, говорит отчет: „была в 1,95 м. ширины, несомненно, имела несколько площадок“ (там же, стр. 50). Внизу этого пилона мы видим остатки какого-то выступа, быть может, прохода в город из ворот, размеры выступа: 0,90 м. длиной (рис. 32). Кажется, здесь также были ворота.

Ворота внутри были заложены в римскую эпоху (по словам отчета) с обеих сторон и перегорожены стеной из древних камней с рустиками, с дверью в 0,71 м. ширины, служившей для сообщения между двумя жилыми помещениями, устроенными внутри ворот. К сожалению, мы не могли найти ни одной фотографии, ни одного плана, на которых видно было бы это римское сооружение в воротах. В расстоянии 1,25 м. от угла южного пилона были найдены остатки водосточной сети, некогда проходившей по древним улицам Херсонеса. По этим желобам, выдолбленным из одного куска большого камня каждый, мы можем проследить направление главных улиц древнего города. Один водосток идет почти параллельно главной линии оборонительной стены. Таким образом, одна из улиц шла, несомненно, параллельно этим стенам (план—рис. 25). Как раз против южного пилона от этой магистрали отделяется два рукава, идущих: один с изломом огибает здание так называемых „казарм“, другой идет на восток от магистрали, отклоняясь под углом в 45°. Таковы направления двух улиц, сходившихся к воротам в этом месте. Когда в дальнейшем эту водосточную сеть перенесли в Лапидарий музея (см. рис. 33), где она хранится до сих пор, то под желобами в пространстве между южным пилоном и „казармами“ обнаружена была гробница, размерами 0,89 м. длины, 0,58 м. ширины и 0,55 м. глубины. В ней не было ничего, кроме незначительного количества проникшей сверху земли. Сверху же (сохранилось до сих пор) эта пустая гробничка, быть может, кенотаф, поставленная в память кого-либо, кто был близок к сооружению стен и ворот, но кто погиб, не получив могилы (например, в волнах моря), перекрыта трехъярусной кладкой, при чем все камни связаны пиронами в форме хвоста ласточки (рис. 32).

Вряд ли надо думать, что здесь перед нами остаток древнейшего кладбища, как то предполагает К. Косцюшко-Валюжинич. Правда, тут же надо прибавить, что назначение этой гробницы-кенотафа крайне загадочно. Тем более, что по прямому направлению водосточного желоба, далее к северу, в насыпи жилого мусора, под монастырской стеной виднеется начало такого же, повидимому, гробничного сооружения, до сих пор не раскопанного вследствие мешающих монастырских построек. Несомненно, дальнейшие раскопки и исследования этого интересного места прольют больше света в этот вопрос (рис. 30).

Любопытно, что к юго-западу от кенотафа мы видим опять нечто вроде гробницы, на этот раз огромных размеров. Внутри она также

оказалась совершенно пустой. Напротив, к востоку от южного пилона находятся прекрасно сохранившиеся нижние части какого-то большого длинного здания, до сих пор еще не вполне раскопанного. В виду того, что это здание находится вблизи стены и, главное, вблизи городских ворот, а также в виду полного сходства кладки здания с кладкой главной оборонительной стены (кладка ранне-эллинистического времени „кордоны на ребро, плиты на образок“) можно с достаточной степенью основательности видеть в этом здании какое-то сооружение общественно-военного назначения, вернее всего, здание казарм, которым так уместно быть именно в этом месте. Вот почему это здание так нами называется.

Древнегреческие ворота, по мнению А. Бертье-Делагарда (Изв. АК, вып. 21), никогда не служили своему назначению. По его теории, Херсонес, возведя стены на очень небольшую высоту, оказался без средств (?), и стены оборонительного назначения, нужные, как воздух, для города, построенного среди враждебных варваров, построены не были. Еще наивнее предположение автора, что когда приходил враг, то жители Херсонеса бежали укрываться в древний Херсонес, бывший, якобы, возле нынешнего Херсонесского большого маяка, на оконечности Крымского полуострова. Абсурдность этого последнего довода хорошо понятна каждому, бывавшему в этих местах... Слишком большое пространство, слишком изрезана береговая линия, чтобы можно было в минуту опасности пробегать это большое и трудно переходимое расстояние.

У почтенного А. Л. Бертье-Делагарда два основных довода: первый, что-де все древнегреческие кладки как бы срезаны на одном уровне, далее, полное отсутствие камней от разрушенных, якобы, кладок (если бы они были разрушены). Но на эти оба довода можно возразить, что, во-первых, урезание древней кладки на одном уровне могло быть сделано ради более удобного нивелирования всей линии обороны в римскую эпоху около р. Х. Дело в том, что к югу от башни Зенона находится господствующая высота вне пределов Херсонеса. С развитием дальнобойности орудий необходимо было поднять линию стен до высоты хотя бы этой башни Зенона (см. разрез рис. 34). Поэтому после насыпки земли до известной высоты торчавшие избыточные части древней кладки были просто сняты, чтобы тем удобнее можно было на горизонтали строить новую стену. Что же касается второго пункта,—относительно неимения „лишних“ камней от этой кладки,—то достаточно внимательно проглядеть все херсонесские куртины, особенно, хотя бы, возле перемычки,—и каждый внимательный исследователь увидит, как много именно греческого строительного материала пошло в дело при постройке римского яруса стен!

Описанные ворота некоторое время, несомненно, действовали после своей постройки. Правда, мы не можем точно сказать, почему в воротах мы видим перебой двух кладок, одной—поздне-классической и другой—ранне-эллинистической: быть может, после какой-нибудь ожесточенной осады пришлось исправлять ворота, докладывать сверху

стены пилонов и одновременно с этим исправлять повреждения и основной оборонительной стены. Это обстоятельство подтверждает продолжительное существованне этих ворот. Что вообще Херсонесу не сладко жилось и он не раз испытывал жестокие осады, об этом говорят не только одни литературные источники: сами стены Херсонеса говорят об этом не менее красноречиво. Посмотрим, хотя бы, на оборонительную стену города около перемычки со стороны города: вы видите в стене пролом, сделанный с огромной силой каким-то стенобитным орудием (тараном). Затем на месте этого пролома вы видите наспех произведенную заделку пролома. Потом на этом месте с наружной стороны была выстроена полукруглая башня, судя по кладке, римской эпохи около 100 г. до нашей эры. Все это документально подтверждает то, что стены Херсонеса, построенные в ранне-эллинистическую эпоху, несомненно, существовали с IV века вплоть до I века до р. Х., при чем не раз, повидимому, испытывали на себе удары со стороны неприятеля (рис. 36). Эти выводы в корне противоречат доводам Бертье-Делагарда, который доказывал, по его собственным словам, удивительные [112]) вещи: будто огромный город в течение ряда столетий мог существовать совершенно без стен! будто центр огромной торговли греческого мира со степняками не имел средств построить вокруг себя защиту в виде стен от этих воинственных и враждебных варваров. Пример Ольвии, значение которой для западной части Скифии равно значению Херсонеса для центральной ее части, нам показывает, что стены, конечно, были, и стены прекрасной, дорогой кладки, которой мы до сих пор удивляемся...

Правда, Бертье прав, когда он говорит [113]), что ворота были построены довольно неудачно: место, на котором они стоят, представляет собою западину, расположенную очень невысоко над уровнем моря. Но это вовсе не говорит против того, что ворота могли существовать некоторое время и в таком, несколько неудобном месте. Действительно, начиная с классической эпохи и вплоть до момента засыпки — ворота, несомненно, существовали, т.-е. в течение нескольких столетий!.. Нет никаких данных утверждать противное.

Что же касается засыпки пространства перед стенами и повышения уровня оборонительной линии, то это произошло уже в римское время, в связи с увеличением дальнобойности орудий. Археологические разыскания, произведенные мною летом 1925 года в вертикальном обрезе перемычки (с северной стороны), с несомненностью показали, что до высоты уровня римской кладки мы имеем перед собою искусственную засыпку перибола: земля этого яруса представляет собою совершенно чистую, рыхлую массу, только с незначительным количеством исключительно античных остатков, как-то: чернолаковых черепков посуды, античных черепиц и проч. Выше горизонта римского яруса кладки оборонительных стен имеется уже естественный наплыв почвы, в которой сохранились остатки трех, последовательно возникавших мостовых, одна над другой.

Еще остается один вопрос: каково было перекрытие ворот? Но на это не так-то легко дать ответ: дело в том, что от перекрытия решительно ничего не сохранилось: при засыпке все торчавшие места были беспощадно уничтожены.

Таким образом, нам приходится прибегать к реставрации на основании аналогий. Брать аналогии нам необходимо, с одной стороны, из Херсонеса же, в котором имеется еще несколько ворот, с другой же стороны,—из Греции и греческих городов, рассеянных по всему лицу тогдашнего мира. Здесь на первом плане, разумеется, должны быть аналогии, связанные одинаковым временем. А именно,—на той же линии оборонительной стены, немного к западу от наших ворот, находятся другие городские ворота приблизительно подобного плана. Эти ворота, которые в настоящее время скрыты под землей, так как „мешали" монастырским и военным сооружениям, были еще в хорошем состоянии во времена начала XIX века. Их видел любознательный писатель своего времени—П. Сумароков [114]). Эти ворота имели перекрытие. Кроме того, ворота всех древнегреческих городов, наиболее удовлетворительно сохранившиеся, как, например, Восточные ворота Пестума [115]), датирующиеся второй половиной VI столетия до р. Х., имеют коробовый свод. Кроме того, ворота IV века до нашей эры, как, например, ворота Мессены и Мантинеи говорят нам также за то, что перекрытие было. По всей вероятности, перекрытие было коробовым сводом. Мы могли бы, собственно говоря, даже доказать существование перекрытия, если бы до конца вынули находящуюся над воротами более позднюю средневековую кладку. Быть может, еще могли сохраниться пяты свода.

Через наши херсонесские ворота дорога шла в самый людный квартал древнего города, в порт. Это, кроме того, должна была быть и самой древней частью Херсонеса [116]). Ворота, однако, вели не только в порт: как показывают разветвления водосточных желобов (см. рис. 25), ворота давали начало, по крайней мере, двум, от них начинавшимся улицам: одна шла в порт, а другая—в верхнюю часть города (приблизительно в местность, где ныне находится главный собор монастыря). Третья улица вела вдоль стены.

Таким образом, ворота представляют интересный памятник древнегреческой эпохи IV—III вв., конструктивно тесно связанный с основными принципами греческого военного строительства. Эти ворота довольно точно датируются предметами подстенного склепа № 1012 (конец IV—III вв. до р. Х.) и существовали до конца греческой эпохи, когда в эпоху римского строительства они были заложены и употреблены для хозяйственных надобностей.

Кладка ворот говорит нам о чисто эллинском характере херсонесского строительства и о большой экономической мощи города, о которой нам говорят и предметы из вышеописанного склепа № 1012.

ГЛАВА III.

НИЖНИЙ ЯРУС ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СТЕН.

До сих пор мы рассмотрели только один момент датировки нижнего яруса оборонительных стен Херсонеса: подстенный склеп № 1012 и его драгоценности. Сейчас мы переходим к другому методу хронологического определения стены: путем исследования кладки самой стены, путем привлечения датированных аналогий из ряда древнегреческих городов Греции, Малой Азии и юга нашего Союза.

Если мы тщательно обойдем весь исследуемый нами южный участок оборонительных стен, то мы найдем всего 4 ярких, отличных друг от друга системы кладки. Разумеется, разница в кладке еще не может означать разницы во времени сооружения этих отдельных участков стены, однако, может давать некоторые данные, по которым можно будет судить о времени сооружения этих стен, тем более, что точную и более или менее обоснованную дату мы уже получили для склепа № 1012.

Конечно, эта дата ближе всего давала время изготовления ювелирных предметов и время захоронения их в склепе, чем время постройки стены, однако, при помощи этих данных мы могли вывести приблизительное хронологическое определение и стены. Более связанное со стеной определение должно быть выведено на основании анализа особенностей самой кладки.

Весь нижний ярус оборонительных стен Херсонеса на южном участке состоит из положенной насухо квадровой кладки, которая, однако, имеет некоторые отличия между собою. Таким образом, мы имеем перед собою 4 особых системы кладки, а именно:

1. Квадровая кладка „логом и тычком“ (рис. 37, см. план на рис. 1, куртина № 17 вблизи башни XV). Камни имеют на нестесанных рустах метки каменотесов в виде инициалов. На рис. 31 мы видим собранные примеры подобных знаков. По мнению покойного акад. В. В. Латышева, эти буквы по написанию могут восходить к классической эпохе (концу V или IV веку до р. Х). На куртине 17 сохранилось всего 6 рядов этой кладки. Нижний ряд наполовину залит морской водой, так как находится ниже уровня моря. Кладка производит большое впечатление своей мощной и спокойной простотой, красноречиво говоря об экономической мощи Херсонеса этого времени. В каждом ряду с пунктуальной правильностью чередуются длинные и короткие камни. Все камни собственно почти одинаковых размеров, но один положен длинной стороной вдоль стены, а другой вглубь стены вперевязь с противоположной стороной стены. Такая кладка

дает большую прочность стене, что и было необходимо в виду защиты от врагов. Средние размеры камней этой кладки таковы: длина—1,85 м., ширина—0,38 м., высота—0,38 м. Толщина стены в этом месте—около 4 м.

Эта кладка продолжается далее к югу, вплоть до башни XVI, состоящей из этой же кладки, и здесь кончается.

Эта кладка датируется знаками каменотесов (см. рис. 31). Помимо них система этой кладки довольно обычна в классическое и эллинистическое время. Примером может служить датируемый эллинистическим временем „фрурион“ в окрестностях Приены (издан в книге Вигандa-Шрадера, посвященной Приене, рис. 12). На скалистой горе построены квадровой кладкой мощные оборонительные стены, при чем кладка также то логом, то тычком. Стена фруриона восходит к концу IV, началу III века до нашей эры.

Такая же кладка имеется в стене приенского акрополя; правда, система не везде выдержана, но единство кладки несомненно. Приенский акрополь восходит к эллинистическим временам. Наконец, такая же кладка логом и тычком имеется в приенских частных домах. Примером может служить квадровая кладка дома, расположенного к западу от дома № XXXIII. Восточный конец стены этого дома дает форму кладки насухо, чрезвычайно близкую к херсонесской стене. Разница состоит исключительно в том, что приенская стена не имеет рустов. Но если принять во внимание, что русты, несомненно, должны были быть стесаны, доказательством чему служат рабочие метки на рустах, то эта разница исчезает.

Таким образом, аналогии приенских датированных стен говорят за правильность нашего хронологического определения херсонесской кладки именно поздне-классическим временем IV века, ближе к его концу, чем к началу (между 375—325 гг.).

2. Квадровая кладка „кордоны на ребро, плиты на образок“. Эта кладка имеется на тех же участках херсонесской оборонительной стены, плюс куртины 16 со стороны города (рис. 36, б) и 18 также с внутренней северной стороны (см. план, рис. 1). Внутреннее ядро Зеноновой башни (№ XVII) также состоит из этой же кладки, которая отчасти продолжается по куртине 20 (рис. 38 и 39), план.

Эта прекрасная переплетная кладка отличается большой тщательностью работы, математически точной пригонкой квадровых плит на месте. Каждый камень имеет узкую кромку притески только с трех сторон, кроме верхней. Эта особенность дает всем камням вид половинок. Особенностью этой кладки является правильное чередование ряда узких камней, положенных на образок, с рядом высоких камней, положенных на ребро. Кроме того, ряд высоких камней положен то логом, то тычком, в целях лучшей связки стены. Высота узкого ряда камней—0,32 м., высота широкого ряда—0,66 м. Длина узких квадр—2,23 м., длина широких квадр—2,07. Ширина камня, положенного узкой стороной вперед,—0,23 м.

Все камни имеют нестесанные русты, на которых также встречаются знаки каменотесов той же эпохи (рис. 36). Это обстоятельство позволяет связывать обе кладки. Получается впечатление, что обе кладки почти одновременны, но одна (логом и тычком)—менее декоративная и украшала наружную часть стен, другая же, более декоративная, должна была украшать внутреннюю часть стены, обращенную к городским домам и улицам. О времени постройки этой стены говорит еще одно обстоятельство: дело в том, что на середине куртины 17 с внутренней стороны имеется пролом, несомненно, произведенный сильным стенобитным орудием. Камни разбиты на пространстве до 10 м., как раз достаточном для производства атаки живой силой врага.

Здесь же мы видим, как наскоро и спешно был заделан этот пролом, при чем для его ликвидации пошли камни старой кладки [117]). Кроме того, на этом же месте была построена полукруглая башня XV, кладка которой также принадлежит еще к античным временам: камни положены насухо, квадры не подобраны между собою, нет греческой тщательности и чистоты работы. Перед нами, несомненно, произведение римского времени, быть может даже раннего времени II—I века до нашей эры, во всяком случае до засыпки перибола (рис. 35). Датой засыпки является приставной склеп № 1013 и 1014, в котором найдена монета императора Тита (рис. 40). Постройка башни XV должна была произойти раньше. Таким образом, пролом мог произойти только между IV—I вв. до нашей эры, когда уровень почвы был гораздо ниже современного.

В истории греческого монументального строительства мы имеем ряд примеров аналогичных кладок в такой же системе „кордоны на ребро, плиты на образок". Наиболее близким примером являются оборонительные стены Ольвии, открытые в 1903 г. в Заячьей Балке. Ольвийские стены чрезвычайно близко напоминают эту херсонесскую кладку. Величина камней, чередование рядов узких и широких камней, монументальность и точная пригонка плит сближают друг с другом обе кладки. Стены Ольвии датируются проф. Б. В. Фармаковским ранне-эллинистическим временем конца IV века до нашей эры.

Чрезвычайно близкая к херсонесской кладке имеется в Пергаме кладка стены акрополя, восходящая к эпохе пергамских царей (эпоха эллинизма).

В том же Пергаме имеется ряд примеров подобной кладки, но со стесанными рустами (например, на дополнительной таблице к стр. 182, № 2 справа, мы видим подобную кладку: „Altertümer von Pergamon", текст I, 2. Там же на 19 дополнительной таблице к стр. 187 и 28 дополнительной таблице к стр. 212 даны образцы стен с кордонами на ребро и плитами на образок). Все эти аналогии опять-таки ведут нас в тот же эллинистический период, столь хорошо и отчетливо представленный в Пергаме.

Как правило, мы можем сказать, что русты предполагали стесывать, но почему-то во многих местах они остались. Так, например, внутреннее ядро башни Зенона (рис. 38) дает нам картину камней с полустесанными рустами.

Этой же кладкой сложены стены так называемой казармы, находящейся к востоку от ворот древнегреческой эпохи.

Эта монументальная и, несомненно, очень дорогая кладка дает яркое понятие о богатстве древнего Херсонеса, имевшего возможность соорудить вокруг поселения такую прочную и красивую оборонительную стену. Кроме того, подобной кладкой сложены стены ряда общественных зданий внутри Херсонеса: кроме упомянутой „казармы", мы имеем „общественный дом" в восточной части городища и так называемый „Монетный двор".

3. Простая квадровая кладка довольно часто встречается в Херсонесе. Эта кладка представляет ряды квадровых плит, положенных прямо на образок, а узкой стороной наружу. Так, куртина № 16, начиная от древнегреческих ворот с наружной стороны, целиком сложена подобным образом (рис. 41).

Кладка ворот также примыкает к этому типу квадровой кладки, но не имеет всюду одинаковой структуры, сбиваясь часто на чередующиеся ряды широкой и низкой кладки квадровых камней. Поразительно близкую аналогию к этой кладке (рис. 42) дает датированная между 285—247 гг. до р. Х. кладка Пропилей Птолемея на о. Самофракии, раскопанных Конце и Ниманом (рис. 43; сравните с рис. 42).

Так как к воротам и их кладке непосредственно примыкает и одновременно с ними сооружен рассмотренный нами выше склеп № 1012, имеющий дату сооружения—эпоху эллинизма,—и так как в кладке ворот мы видим употребление двух типов кладок, то это позволяет говорить о почти одновременном употреблении вышеразобранных типов кладки. Просто разные артели и в разных местах по-разному исполняли задания херсонесской общины. Совершенно ясно, далее, что кладка херсонесских рабочих должна была быть связана с техникой того времени и вообще с греческой культурой. Поэтому вполне понятно, что в ряде греческих городов этой эпохи мы видим многочисленные аналогии к херсонесским стенам.

4. Более мелкая кладка логом и тычком. Такая техника кладки также имеется в Херсонесе. Камни этой стены состоят из длинных и тонких брусьев, длиной до 2 метров (средний размер—1,46—1,76 м.), толщиной в среднем 0,25 м., такая же и высота. Уложены логом и тычком вперевязь с противоположной стороной стены. В такой технике выполнена куртина № 19. На основании аналогии со стенами Магнесии на Меандре эта мелкая кладка должна быть датируема более поздним временем (поздний эллинизм—II век до р. Х. [118]).

Этими четырьмя типами исчерпывается разнообразие кладок нижнего яруса. Правда, в эту схему не вошли мелкие разновидности, но они не настолько существенны, чтобы давать повод к созданию специального класса. Так, например, в основании башни XIX мы видим поразительной величины квадры твердого известняка. Нигде в других местах мы не встречаем подобных камней—и это понятно, потому что здесь море подходило прямо к башне и она должна была быть наиболее мощной для выдерживания натиска морских бурь.

Далее, простыми, почти кубическими квадрами сложена самая северная стена на 20 куртине. Есть основание думать, что перед нами самая древняя стена из всего комплекса стен в этом месте. Кроме того, башня на куртине 20 сложена простой квадровой кладкой, чрезвычайно близкой по качеству камней нашей кладке № 1, но положенной ровно, без чередования логов и тычков. Впоследствии эта полукруглая башня была заключена в прямоугольный футляр римской кладки.

Итак, нами рассмотрены датирующие признаки херсонесской оборонительной стены. Это, с одной стороны, погребальный склеп, сооруженный в толще древней кладки стены, несомненно, одновременно со стеной. С другой стороны, сама стена, которая по особенностям своей кладки также может дать датировочные указания. Мы видим, что оба пути хронологического определения привели нас к одной дате: позднеклассической и эллинистической эпохе IV—III века до нашей эры.

КОНЕЦ I ЧАСТИ.

ПРИМЕЧАНИЯ К I ГЛАВЕ „ПОДСТЕННЫЙ СКЛЕП ХЕРСОНЕСА № 1012“.

[1]) Отчет АК за 1899 г.; Известия АК, вып. 1, стр. 1 и слл. Minns—„Scythians and Greeks“, C. 1913, стр. 380, 397—399, 402, 410, прим. 1, 499 и план VII. А. Бертье-Делагард „О Херсонесе“ (Известия АК, вып. 21), стр. 120. Содержание I главы настоящей работы доложено 12 дек. 1925 г. в заседании Ленингр. Ассоциации научных работников при Академии Истории Матер. Культуры; 15 дек.—на пленарном заседании Росс. О-ва по изуч. Крыма в Москве и 10 января 1926 г.—в О-ве Археол. и Этногр. Крыма в г. Симферополе.

[2]) Известия АК, вып. 1, стр. 3—4.

[3]) Изв. АК, вып. 21, стр. 120, Bötticher—„Tektonik der Griechen“ I—II[2].

[4]) Ср. строительство Афин (Конон)—C. Wachsmuth—„Die Stadt Athen im Altertum“, II, 1 (1890), 188 и слл., I, 574. Ср. строительство Ольвии.

[5]) Latyshew, Inscr. antiquae orae septentr. Ponti Euxini, I, 195; Minns o. c. 646 App. 17: „3: τειχοποιήσαντι“.

[6]) Furtwängler-Reichhold, „Griech. Vasenmalerei“; Perrot-Chipiez, „Hist. de l'art dans l'antiquité“, X, 151, рис. 98 (деталь с гидрией); Springer, „Handbuch d. Kunstgeschichte“, I[10], 185, рис. 358.

[7]) Ср. бронзовую гидрию IV—III вв., найденную в Месемврии Кацаровым (Athen. Mittheilungen, XXXVI, 1911, стр. 313, рис. 4); ср. „Древн. Босф. Кимм.“, табл. XLIV. В Керч. музее имеется фрагмент подобной гидрии из VI каменистого кургана на Юз-Оба. Ср. Ростовцев, „Ант. декор. живопись на юге России“, 98 и слл. (Юз-Оба). Эта гидрия относится ко второй половине IV века. Найдена вместе с чернолаковой канеллир. гидрией хорошего лака. См. Отчет АК за 1863 г., стр. X—XI. В альбомах АК, хранящихся в Академии И. М. К., есть рисунок гидрии.

[7a]) Ср. подвески в виде Эротов с такими же крыльями на ожерелье № 1946 (Marshall, Catalogue of jewellery in the British Museum, 1911) табл. XXXIV.

[8]) Крылатого гения с калафом на голове мы могли бы назвать Κῆρ, которые изображались обоеполыми и являлись демонами смерти, похитителями душ для уноса в Аид. Ср. Roscher—„Lexicon d. Mythologie s. v. Keres“. Rohde, Psyche—Seelenkult und Unsterblichkeitsglaube d. alten Griechen“. 1910.

[9]) Klein, Praxiteles. Ср. монету г. Париона с изобр. Эроса Праксителя, Springer I[10], 338, рис. 621. Мотив опоры на бедро—ср. Аполлона Аврентона, Гермеса из Олимпии (Springer I[10], рис. 616 и 619). Особенно ср. Эрос Палатинский с такими же крыльями (хранится в Лувре), Springer I[10], стр. 336, рис. 617.

[10]) Латышев—„Pontika“, сборник статей, 1909, стр. 76, слл. и 89. „О монетах Левкона“—см. Подшивалов в „Зап. Одесского Общ. Ист. и Древн.“, т. XV (1889), 13—36. Ср. Бурачков—Общий каталог монет, стр. 212 и 216, Minns, o. c. pl. VI, № 16 „Древн. Босф. Кимм.“, табл. LXXXV, 11.

[11]) Не лишено правдоподобия предположение усматривать в погребенном лицо, некогда стоявшее во главе города. Тогда эмблемы его кольца—лук и палица Геракла—чрезвычайно подойдут в качестве государственной эмблемы города, основанного гераклеотами. Мы знаем из надписей, что херсонессцы всегда чтили свою метрополию, носящую имя Геракла.

[12]) См. отчет Б. В. Фармаковского о раскопках в Ольвии. Известия АК, вып. VIII и XIII. Walters—„History of anc. pottery“, I—II.

[13]) К сожалению, кроме предварит. отчета в Изв. АК, вып. 60 и в „Arch. Anzeiger“, 1913, стр. 180 и слл., прекрасные памятники Зеленского кургана до сих пор еще не изданы. Нами подвергнут общему анализу этот курган на стр. „Нар. университета на дому“ (Ленинград, 1925, книги 1 и 5).

[14]) Studniczka—„Tropaeum Trajani“; Riegl—„Stilfragen“; Б. Фармаковский—„Золотые обивки налучий Ильинецкого и Чертомл. курганов“ (сборник в честь Бобринского).

[15]) Ср. Кондаков-Толстой—„Русские древности в памятниках искусства“, вып. 1, стр. 53 и слл., рис. 71 и 72 (изобр. ожерелья, составленного из гордиевых узлов).

[16]) Отчет АК за 1880 г. Альбом табл. I, 1; Кондаков-Толстой, I, стр. 54, рис. 71; Minns, 432, рис. 322.

[17]) Marshall, Catal. of jew. in the British Museum (1911), №№ 1607, 1608 и 1609 (табл. XXVII), 2001 (табл. XXXIV), 1984 (табл. XXXVIII), 2193 (табл. XLII), 2730 (табл. LX) и др. Ср. „Древн. Босф. Кимм.“, табл. VI, 3; IX, 2; IX, 3; X, 1 и 2; Pollak—„Klassisch-antike Goldschmiedearbeiten im Besitze Sr. Excellenz A. J. von Nelidoff“ (Lpz, 1903), табл. XIII, № 329.

[18]) Этот мотив встречается почти во всех экземплярах гордиева узла. Ср. Pollak, № 329.

[19]) Б. В. Фармаковский—Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории („Записки Росс. Акад. Ист. Мат. Культ.“, вып. 1, Петроград, 1921), стр. 22.

[20]) Griech. Bildwerke (Blaue Bücher) von M. Sauerlandt, стр. 74.

[21]) Последующие выводы опираются на след. литературу: Roscher—„Lexicon d. Mythol. s. v. Sirenen“ (IV т. ст. Weicker'a, стр. 601 и слл.); Daremberg-Saglio—„Dict. d. ant. s. v. Sirene“ VIII (Ch. Michel); Weicker—„Seelenvogel in. d. ant. Literatur u. Kunst“, Lpz, 1902; Collignon—„Statues funér“. P. 1913; Lippert—„Die Seelenkult-religionen d. europ. Kulturvölker“; Rohde, Psyche (1910), Crusius в „Philologus“, т. L, 1891, стр. 97 и слл., Стефани в Отчете АК за 1866 г.; Б. Фармаковский—„Зап. РАИМК“, вып. 1; Rosenberg—„Erynien“; Bulle—„Odysseus u. die Sirenen“ (Strena Helbigiana), 34; F. Müller—„Die antike Odyssee Illustrationen in ihrer kunsthist.

Entwickelung, 1913. Harryson—„Prolegomena to the study of greek religion"; Hackl—„Archiv für Religionswissenschaft" XII, 1909, 204 и слл.

[22]) Notizie degli Scavi 1911, прил. 17. Weicker 11 и слл. 178; Roscher, IV, 603, 609, 620.

[23]) Платон. Федр, 81 (пер. Жебелева); Weicker, 9, Roscher, IV, 609 и слл. Collignon—„Statues funér." 77, 216. Conze—„Die attischen Grabreliefs", табл. 35; 61 (№ 253); 94; 167—169; 178; 189 (№ 994), 207, 24.

[24]) Weicker, 52.

[25]) Hamdy-Bey-Reinach—„Une nécropole royale à Sidon"; Wächtler—„Die Blütezeit d. griech. Kunst im Spiegel d. Reliefsarcophage".

[26]) Orsi, Locri, 19, рис. 21; Roscher, IV, 124, 52, ср. 615.

[27]) Ср. вазовые картины с изобр. Одиссея и сирен; ср. наше прим. 21 (Bulle и F. Müller).

[28]) Б. Фармаковский, ук. соч., 25.

[29]) Springer, I[10], 208, рис. 397.

[30]) См. прим. 27.

[31]) См. прим. 19.

[32]) К. Э. Гриневич—„Как заставить говорить древние камни", ч. II. Примеры. „Нар. универс. на дому"; кн. 5.

[33]) Известия АК, вып. 60, стр. 22 и слл.—„Arch. Anzeiger", 1913, стр. 180 и слл.

[34]) Marshall, Catal. of the jewellery in the British Museum.

[35]) Pollak—„Klassisch-antike Goldschmiedearbeiten im Bes. A. Nelidoff" (Lpz, 1903), № 329.

[36]) „Archaeologia", XXXIII, 50.

[37]) Mon. ant. IX, 277—78, рис. 72.

[38]) Текст см. ниже. Прим. 71.

[39]) Босфорская культура процветала одновременно с Херсонесом, находилась в это время под сильным влиянием Аттики.

[40]) Ср. Fontenay—„Les bijoux anc. et modernes", 174.

[41]) Ср. Head—„Historia numorum", 242; ср. Springer, I[10], 350, рис. 644.

[42]) Этот сюжет восходит к статуарной группе, бывшей в Пергаме (?).

[43]) Латышев—„Pontika", стр. 72—73; G. Perrot—„Revue hist.", IV, 33; С. Жебелев—„Боспорские Археанактиды", Журн. Мин. Нар. Пр. 1902, март, 130 и слл.

[44]) Ср. прим. 35.

[45]) Catalogue of the jewellery in the British Museum, by Marshall; 1911, London.

[46]) „Excavations in Cyprus", табл. XIII, 25; стр. 83, гробница № 80 (1); Walters—„Art of the Greeks", табл. 108.

[47]) Известия АК, вып. 1, стр. 6.

[48]) Вернее, изображение на перстне дает нам terminus post quem ее жизни. Terminus ad quem дает сирена на ожерелье (начало III века).

[49]) Для аналогии см. наше прим. 7.

[50]) Roscher и Daremberg-Saglio s. v. Anakion, Dioscuroi.

[51]) Е. Э. Иванов—„Херсонес Таврический“, „Известия Тавр. Уч. Арх. Ком.“, вып. 46, стр. 20—21.

[52]) Б. В. Фармаковский—„Художественный идеал демократических Афин“, Пгр., 1918.

[53]) Патина сероватого цвета с пепельным оттенком.

[54]) Ср. „Нар. ун-т на дому“, 1925, кн. 5.

[55]) Однако, все нижеперечисляемые ювелирные поделки, несомненно, исходят из одного художественного круга. Все они полны чисто греческих традиций, отраженных в орнаментике и компановке отдельных частей.

[56]) Интересно отметить разнообразие мест находок. Однако, большинство из Ионии или соседних островов. Это важно для решения вопроса о месте изготовления нашего херсонесского ожерелья.

[57]) „Arch. Ztg“, 1884, ср. №№ 1611, 1612, 1613, 1614, 1632, 1662, 1663, 1664—65, 1670—3, 1709, 1844, 1889—90, 1936—41, 1942, 1944—6, 1953—6, 2002—7, 2010—12, 2036—7, 2059—61, 2082—7, 2097—2103.

[58]) Ср. „Древн. Босфора Киммер.“, табл. XII[a], Minns, 401.

[59]) Ср. стилист. замечания в статье Б. В. Фармаковского в сборн. в честь Бобринского. Studniczka—„Tropaeum Trajani“ и Riegl—„Stilfragen“.

[60]) Ср. наше прим. 18.

[61]) Marshall, Cat., табл. 34.

[62]) Marshall, стр. 223.

[63]) Ср. стилистические замечания Furtwängler-Reichhold—„Griechische Vasenmalerei“, текст к 70 таблице (пелика из Павловского кургана возле Керчи с Элевсинским сюжетом).

[64]) Описание их—Известия АК, вып. 1, стр. 8—9.

[65]) Fontenay—„Les bijoux...“ стр. 112 (при описании золотой серьги с колесницей Гелиоса из музея Наполеона III).

[66]) Впрочем, может быть, вместо самоцветов здесь были монтированы золотые украшения.

[67]) С VIII века. Ср. Marshall, XX.

[68]) Ср. Marshall, табл. XXX.

[69]) Ср. Marshall, Cat., стр. 178 (Монета Локриды), 180, 199 (ваза IV века в форме женской головки), ср. Кондаков-Толстой, I, стр. 59, рис. 79 (керч. серьга IV в. в виде женской головки).

[70]) Этот тип серег с люнеткой Marshall называет „Leech-type“ и выводит из микенских времен (стр. XXXIII). Ср. керч. тип с розетками—Кондаков-Толстой, I, 58 и слл.

[71]) Plinii HN, XXXIV, 19, § 22: Theodorus, qui labyrinthum fecit Sami, ipse se ex aere fudit, praeter similitudinem mirabilem fama magnae subtilitatis celebratus. Dextra limam tenet, laeva tribus digitis quadrigulam tenuit, translatam Praeneste, tantae parvitatis, ut totam eam currumque et aurigam integeret aliis simul facta musca.

[72]) Idem, XXXVI, 4, § 15: Sunt et in parvis marmoreis famam consecuti, Myrmecides, cuius quadrigam cum agitatore cooperuit alis musca: et Callicrates, cuius formicarum pedes atque alia membra pervidere non est.

[73]) Плектрон—инструмент, напоминающий медиатор. Посредством его играли на лире и кифаре.

[74]) Gruppe, Griech. Mythologie u. Religionsgeschichte (Hndb. Iw. v. Müller).

[75]) Roscher, s. v. Keres (II т.); Rohde, Psyche; Gruppe II.

[76]) Такие же грифы на ожерелье из Феодосии (IV в.)—„Др. Б. Кимм.", т. XII[a], на серьге—там же, на ожерелье из Б. Близницы (конец IV в.).

[77]) Обычный художественный мотив, имеющий аналогию во всех приведенных примерах и показывающий единство художественной концепции во всех памятниках.

[78]) Такая система является общей для всех этих памятников, что также указывает на единство художественной школы.

[79]) Marshall, Catal., табл. XXXV, № 1947.

[80]) „Древн. Босф. Кимм.", табл. XII[a], Minns, 401.

[81]) Эту эволюцию хорошо проследить на табл. каталога Marshall'я. Ср., например, № 1653 (т. XXX), 420 г. с 1662, 1672—73 и 1655 (т. XXX); ср. серьги на т. XXXII. Ср. Кондаков-Толстой, I, 58 и слл. „Др. Б. Кимм."

[82]) Названы „leech-type" Маршаллем (ср. наше прим. 70). Дело в том, что эта люнетка выросла из небольших червеобразных (leech) серег очень древнего происхождения, будучи усложняема все новыми и новыми композиционными мотивами, дойдя до сложности серег из Херсонеса и Феодосии (Minns, 401).

[83]) Ср. замечания Fontenay, 112.

[84]) Альбом к Отчету АК за 1865 г., табл. II, 3.

[85]) Ibidem ОАК 1865, табл. II, 5.

[86]) „Древн. Босф. Кимм.", табл. XIX, 5. О Куль-Оба см. Minns, 195, рис. 88, 200 и слл.

[87]) Ср. Klein—„Gesch. d. griechischen Kunst", II; его же—„Praxiteles"; Кулаковский—„Прошлое Тавриды"[2], Кондаков-Толстой, I.

[88]) Именно эти особенности характерны для „керченского" стиля вазовой живописи (Furtw.-Reichhold,—„Griech. Vasenmalerei", текст к 70 табл.).

[89]) Об этой любви греков к восточному говорит их любовь к роскоши. Ср. запрещение Димитрия Фалерского строить богатые мавзолеи. Ср. мировую торговлю Афин после Кимона и Перикла (речи Демосфена).

[90]) Roscher, Keres; O. Gruppe s. v. Keres.

[91]) Ср. В. Латышев—„Pontica", 142 и слл. (комментарии к присяге херсонаситов).

ПРИМЕЧАНИЯ КО II И III ГЛАВАМ.

[92]) См. Известия АК, вып. 1; Отчет АК за 1899 г.; рукописный материал в архиве Херсонесского музея (дело № 8) и в архиве Академии Ист. Матер. Культуры за 1899 г.; А. Л. Бертье-Делагард—„О Херсонесе" в 21 выпуске Известий АК; Minns—„Scythians and Greeks", глава о Херсонесе; Е. Иванов—„Херсонес Таврический" („Изв. Тавр. Уч. Архивной Ком., № 46).

[93]) Rochas d' Aiglun—„Les principes de la fortification antique", Extrait de la Revue générale de l'Architecture et des travaux publics, 37 (1880),

IV série, VII приводит цитаты из Филона-Византийца. Дальнейшие слова базируются на данных Филона (ср. Revue de Philol. N. S., vol. III).

[94]) Б. В. Фармаковский—„Ольвия“, М. 1915, рис. 7 на стр. 19 (оттиск из „Экскурсионного Вестника“). Там же дальнейшая литература: „Ворота в Мессене“ изданы Blouet—„Expédition scientifique de Morée“, I, tabl. 43, 1 и 2; см. Daremberg-Saglio—„Dictionnaire des antiquités... s. v. „Porta“ (план и рис.).

[95]) Dörpfeld—„Troja und Ilion“, 1902, plan; Schliemann—„Ilios“.

[96]) Wachsmuth—„Die Stadt Athen im Altertum“, II, 203 и слл.; Curtius—„Die Stadt Athen im Altertum“.

[97]) „Altertümer von Pergamon“, текст, I, 2, стр. 192, рис. 31.

[98]) Blouet, цит. соч. I, табл. 46. Daremberg-Saglio, s. v. Munitio (план).

[99]) Rangabé—„Souvenirs d'un excursion d'Athènes en Arcadie“. Mém. Akad. Inscr., I série ,1857, v. V, 1. Ср. Fougères, Grèce (Guide Joanne) дает высоту стен в 4—5 м., а не 15.

[100]) Fougères—„Mantinée et l'Arcadie Orientale“ (Bibl. des Ecoles franç. d'Athènes et de Rome, t. 78, P. 1898, табл.-план Мантиней.

[101]) Филон-Византийский; см. Rochas d'Aiglun—„Le poliorcétique chez les grecs (Philo) и его перевод Филона с греч. текстом в „Revue de Philol.“, III (N. S.).

[102]) Б. Фармаковский—„Ольвия“, М. 1915; ст. Диля в журнале „Гермес“ 1914 г., № 1—2.

[103]) Эти пазы видны на приложенной фотографии южного пилона (рис. 28).

[104]) А. Бертье-Делагард—„О Херсонесе“ (21 вып. Известий АК), гл. III. Крепостная ограда, стр. 104 и слл.

[105]) Известия АК, вып. 1, стр. 48; ср. Отчет АК за 1899 г.

[106]) Там же, в 21 выпуске Известий АК, стр. 105.

[107]) Ср. Daremberg-Saglio—„Dictionnaire des antiquités... s. v. Cataracta“. Дает пример—ворота Геркуланейские в Помпеях (с такими же пазами). (Ср. там же рис. 1237).

[108]) Известия АК, вып. 21, стр. 120.

[109]) Б. Фармаковский—„Ольвия“, М. 1915, стр. 12—13, рис. 4; ср. ОАК за 1903 и 1904 гг.

[110]) Это прекрасно видно на модели этого участка, вылепленной участником раскопки и правой рукой К. Косцюшко—Ротом. Эта модель хранится в Гос. Эрмитаже.

[111]) К сожалению, этой стены мы не знаем, в виду отсутствия ее фотографии или рисунка.

[112]) Известия АК, вып. 21, стр. 100 и слл.

[113]) Там же, стр. 126 и слл.

[114]) П. Сумароков—„Досуги крымского судьи“.

[115]) Perrot-Chipiez—„Histoire de l'art dans l'antiquité“, v. VIII, p. 10, fig. 7.

[116]) Здесь, собственно, земля еще не тронута раскопками и мы еще совершенно не знаем древнейшего Херсонеса VI века до нашей эры.

Дальнейшие раскопки должны быть начаты именно на территории этого южного участка городища. Судя по находкам кострищ с древнейшими черепками на севере городища, вся северная часть не была заселена (древние никогда не хоронили мертвых в черте города).

[117]) См. наш рис. 35; эта смешанная кладка чрезвычайно напоминает кладку Фемистокловой стены в Афинах (Athenische Mittheilungen, XXXII, Beilage zu S. 124—25) эпохи V века. Их сближает спешность работы.

[118]) C. Humann—„Magnesia am Mäander". Berl. 1904, рис. 3 на стр. 19; толщ. стены—2,30 м. „Die Quader,—говорится на стр. 19,—aus hartem, löcherigem Kalkstein, mit 5 bis 8 cm. starkem Bossen, sind 40 bis 50 cm. hoch und zum Teil als Binder, zum Teil als Läufer hergestellt, welche innerhalb jeder Schicht mit einander wechselten, in der Art, dass bald auf jeden Läufer, bald auch erst auf mehrere Läufer ein Binder folgte. Die Läufer sind im Mittel 1 m. lang, viele aber auch bis zu 1,5 und sogar 2,00 m.; ihre Dicke entspricht annähernd ihrer Höhe. Die Binder sind im Mittel 30 cm. breit"—ср. наши размеры.

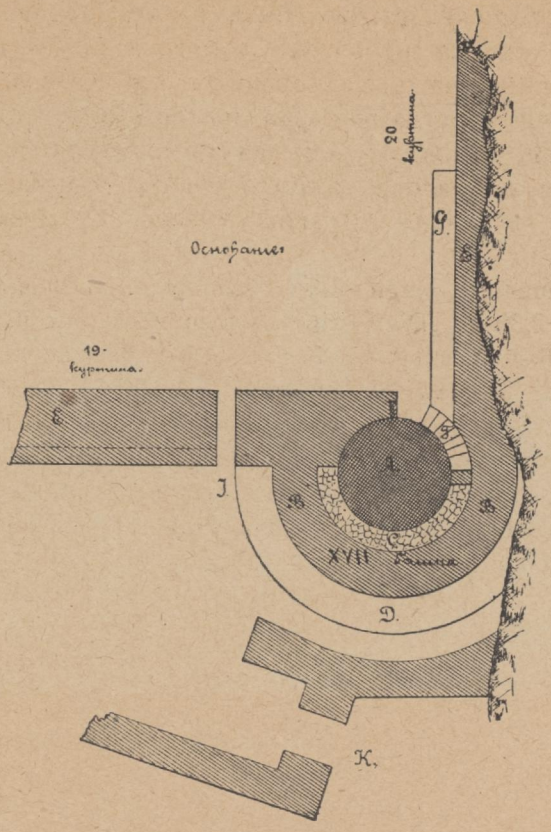

Рис. 39.

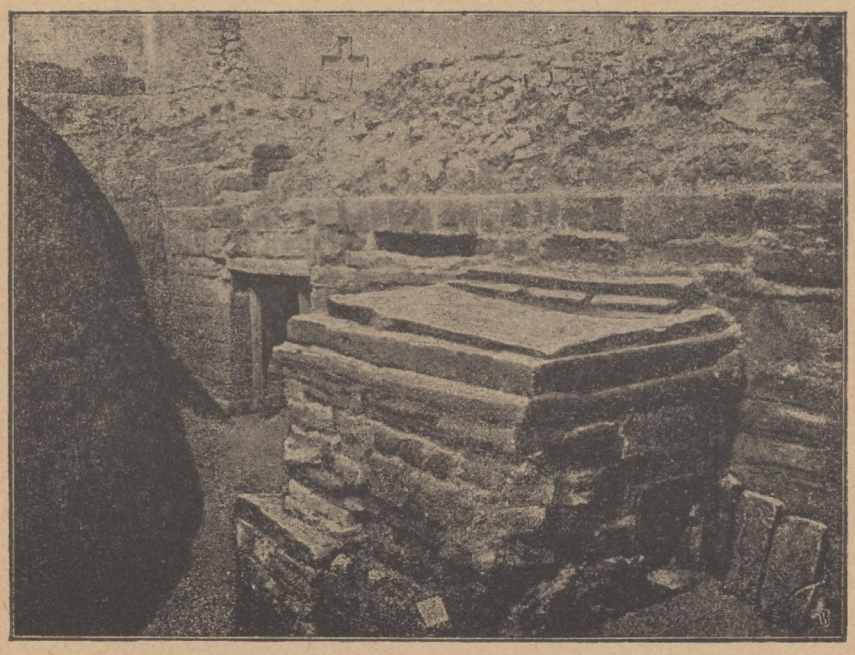

Рис. 40.

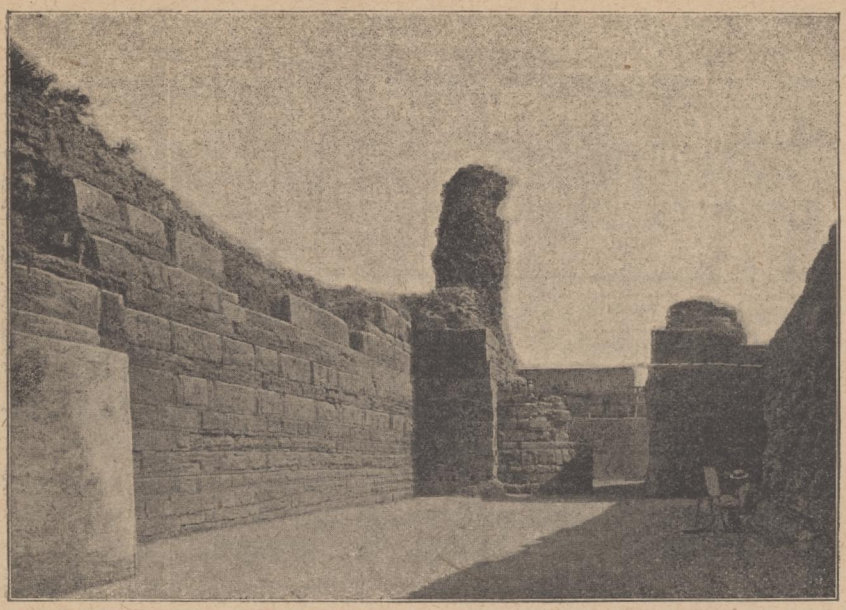

Рис. 41.

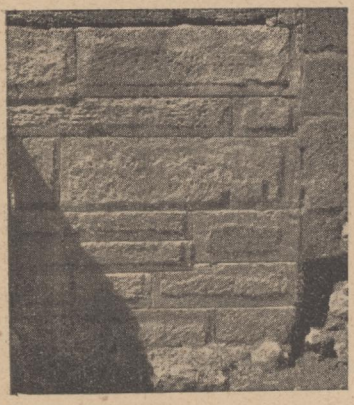

Рис. 42.

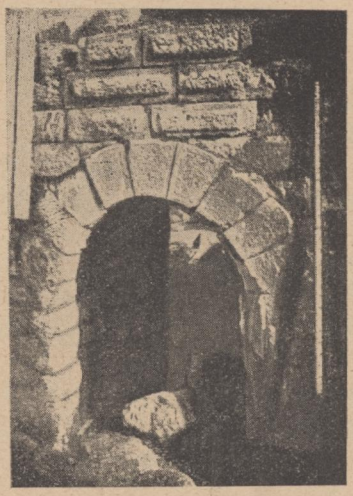

Рис. 43.

СПИСОК РИСУНКОВ, ПОМЕЩЕННЫХ В I ВЫПУСКЕ „ХЕРСОНЕССКОГО СБОРНИКА“.

1. Схематический чертеж А. Л. Бертье-Делагарда, дающий план всего южного участка херсонесских оборонительных стен. В дальнейшем №№ башен и куртин идут согласно этому чертежу. Литерой „Е“ обозначены древнегреческие ворота.

(Взято из 21 вып. Известий Археолог. Комиссии).

2. Панорамный снимок всего изучаемого участка древнегреческих ворот в Херсонесе. Объяснения литерных обозначений: а) уцелевшие остатки полукруглой башни XIV, одновременной кладки „х“; б) четыреугольная башня поздне-античного времени № XIV; в) древнегреческие ворота, открытые в 1899 г. Для поддержки верхнего слоя служат железные балки; г) южный пилон ворот, изображенный на нашем рис. 29; д) подстенный склеп № 1012. Ср. наши рис. 4 и 5; е) приставной склеп № 1013 римского императорского времени. См. наш рис. 40; х) кладка нижнего яруса оборонительной стены, одновременная склепу № 1012; у) древнегреческая кладка „кордонами на ребро“. См. наш рис. 35; z) кладка второго яруса—одновременная склепу № 1013. На рисунке ясно видно, что римский склеп № 1013 был сооружен уже в то время, когда был засыпан перибол. Ступени склепа („ж“) были уровнем поверхности почвы; z_1) порог византийской калитки над воротами, относящейся к 3 ярусу стены. Найденная здесь надпись о построении стены при императорах Феодосии и Аркадии дает дату постройки 3 яруса — вторая половина IV века нашей эры.

(Снимок 1926 г. фотографа Г. С. Мыса).

3. Схематический чертеж А. Бертье-Делагарда, дающий понятие о трех ярусах кладки херсонесских стен. №№ соответствуют чертежу № 1.

(Известия АК, вып. 21).

4. Вход в подстенный склеп № 1012. Снимок сделан в 1899 году. Ср. наш рис. 2, дающий современное состояние памятника. Обратите внимание на выветривание камней.

(Известия АК, вып. 1).

5. Вход в подстенный склеп № 1012. Состояние кладки 1 яруса в 1899 г. Правую часть рисунка занимает приставной склеп № 1013. Ср. наш рис. 2,е.

(Известия АК, вып. 1).

6. План подстенного склепа № 1012: А—древнегреческие ворота. Б—оборонительная стена: а)—углубление в скале, б)—приставная плита. 6 гидрий, стоявших в склепе, обозначены кружками.

(Известия АК, вып. 1).

7. Терракотовая статуэтка крылатого гения с калафом на голове и с опущенным факелом в правой руке. Найдена в подстенном склепе № 1012 между гидриями № 1 и 2.

(Известия АК, вып. 1).

8. Чернолаковая гидрия из подстенного склепа № 1012, хранящаяся в Херсонесском музее (Инв. 1925 г. № 3263). По нашему счету от ворот—№ 4. В этой гидрии были найдены драгоценности, изображенные на нашем рис. 10.

(Фотография 1926 г. работы Г. Мыса).

9. Чернолаковая гидрия, найденная в 1912 г. в древнегреческом кургане на Зеленской горе возле Тамани. В этой гидрии были найдены золотой статер Александра Македонского, золотая фигурка сирены—часть фибулы, изображенная на нашем рисунке 12, и обрывки золотого ожерелья, похожего на ожерелье, изображенное на нашем рис. 16.

(Известия АК, вып. 60).

10. Драгоценности, найденные в херсонесском подстенном склепе № 1012. Содержимое гидрии № 4 (см. наш рис. 8): ожерелье с сиреной типа первой половины III века до нашей эры, деталь пряжки см. наш рис. 11—на обложке. Серьги и 2 перстня. См. рис. 13, а.

(По фот. 1899 г. Херсонесского музея).

11. Деталь пряжки в виде гераклова узла с сиреной. Найдена в гидрии № 4. На обложке.

(Негатив РАИМК).

12. Золотая фигурка (часть застежки) сирены, играющей на двойной флейте. Из чернолаковой гидрии, изображенной на нашем рис. 9.

(Известия АК, вып. 60).

13. а) Щиток золотого перстня с изображением сидящей Афины в типе изображений на монетах Лизимаха между 306—281 гг. Найден в гидрии № 4. Боковой вид перстня см. на нашем рис. 10 вверху.

б) Оттиск щитка золотого перстня с изображением лука и палицы, найденного в гидрии № 3.

(Снимки работы Г. Мыса: а) по негативу РАИМК; б) по фотографии, приложенной к архивному делу № 8 Херсонесского музея).

14. Уцелевшая часть (горло) бронзовой гидрии № 5 подстенного склепа № 1012. На горизонтальной поверхности горловой закраины имеется надпись посредством наколотых дырочек, изображенная на нашем рис. 15.

(Известия АК, вып. 1).

15. Надпись на горизонтальной части горла бронзовой гидрии № 5: „Приз с праздника Анакий".

(Известия АК, вып. 1).

16. Драгоценности, найденные в гидрии № 5 подстенного склепа № 1012 в Херсонесе: ожерелье со стреловидными подвесками и пара серег с квадригой и Музой.

(Фот. Херсонесского музея 1899 г.).

17. Драгоценности, найденные в той же гидрии № 5: ожерелье в виде жгута (деталь пряжки см. наш рис. 19), концовки 2 браслетов с бараньими головками, 11 нашивных бляшек, щиток серебряного перстня с головой Афродиты и гладкое золотое кольцо.

(Фот. Херсонесского музея 1899 г.).

18. Золотые ожерелья с подвесками эпохи IV—III вв. Британского музея. №№ (считая сверху вниз): 1944, 1946, 1943, 1948, 2001—пряжка в виде гераклова узла.

(Маршалль, каталог драгоценностей, табл. XXXIV).

19. Деталь пряжки ожерелья в виде жгута, изображенного на нашем рис. 17. Обращает на себя внимание чрезвычайно тонкая работа пряжки.

(Негатив РАИМК).

20. Золотая серьга из гидрии № 5 херсонесского подстенного склепа № 1012.

(Негатив РАИМК).

21. Монета Локриды первой половины IV в. до нашей эры. Монета нам важна по детали: изображению серьги типа херсонесской. Монета доказывает, что в IV веке носили серьги именно этого вида.

(Из каталога Маршалля к № 1653, рис. 20).

22. Золотая серьга № 1655 Британского музея. Сравн. с нашим рис. 20).

(Из каталога Маршалля, табл. XXX).

23. Золотая серьга из Куль-Обского кургана вблизи Керчи.

(С диапозитива, принадлежащего ленингр. университету).

24. Ворота с башней в г. Мегаре Гиблее. Ср. херсонесские ворота „Е“ на нашем рис. 1.

(Из Perrot-Chipiez—„Hist. de l'art dans l'ant.“, VIII, стр. 7, рис. 3).

25. План херсонесских городских ворот „Е“. А—пролет ворот. Б—южный пилон, изображенный на наших рис. 28, 30, 32. В—система водостоков, изображенных после переноса в Лапидарий музея на нашем рис. 33. Г—северный, до сих пор нераскопанный целиком пилон. См. наши рис. 29 и 30. Д—так называемая „казарма“, древнегреческое здание, приспособленное к хозяйственным надобностям в римско-византийскую эпоху: а—пазы для катаракты (падающей решетки), б—проезд ворот, в—анты для укрепления средних запоров (см. рис. 2 и 29), г—сквозное отверстие для засова в южном пилоне, д—пустая гробница древнегреческого времени, е—оцементированная цистерна римского времени, ж и з—хозяйственные помещения в так называемых казармах.

(Известия АК, вып. 1).

26. План ворот FM в южной части холма Гиссарлык (городище Трои), Троя, II.

(Из Lichtenberg—„Haus, Dorf, Stadt“).

27. Башня XV и куртина 17 в Херсонесе (см. рис. 1). Снимок 1900 г. дает изображение византийской башни, построенной на бревнах, положенных горизонтально на землю, не доходя до скалы. Главная линия оборонительной стены стоит, согласно древним правилам постройки, на скале.

(Известия АК, вып. 1).

28. Древнегреческие ворота в Херсонесе. Южный пилон и пазы для падающей решетки.

(Снимок К. Гриневича 1926 г.).

29. Северный (нераскопанный) пилон древнегреческих ворот в Херсонесе. Возле средней анты имеется отверстие, связанное с нахождением створок ворот в этом месте.

(Известия АК, вып. 1).

30. Вид древнегреческих ворот в Херсонесе с юго-восточной стороны. Видны оба пилона и жилой мусор, показывающий глубину раскопки.

(Известия АК, вып. 1).

31. Метки каменотесов на нижнем ярусе оборонительных стен Херсонеса. Находятся преимущественно на рустах камней. По определению акад. В. Латышева, буквы могут восходить к классическому времени.

(Известия АК, вып. 21).

32. Южный пилон древнегреческих ворот в Херсонесе. Видны следы лестницы наверх и следы ворот, ведущих на юг. На первом плане пустая гробничка древнегреческого времени, быть может, кенотаф?

(Известия АК, вып. 2).

33. Водостоки возле древнегреческих ворот, перенесенные во двор Лапидария. См. план ворот на нашем рис. 25.

(Известия АК, вып. 1).

34. Схематический чертеж А. Бертье-Делагарда, изображающий три яруса кладки херсонесских стен на протяжении от XVI до XVII башни (см. наш рис. 1). На этом чертеже наглядно показана необходимость выравнивания почвы, принимая за отправную точку башню Зенона (№ XVII).

(Известия АК, вып. 21).

35. Три башни XV: на куртине 17 на месте древнего пролома, изображенного на рис. 36, была выстроена башня полукруглой формы. Она может быть датирована временем до засыпки перибола. Затем в византийское время была выстроена на этом же месте четыреугольная башня, фундамент которой, как видно на рисунках 27 и 35, стоял на бревнах. В протейхизме против этой четыреугольной башни была выстроена отвечающая ей по размерам такая же четыреугольная башня, с которой, повидимому, некогда был переброшен опускной мост.

(Известия АК, вып. 1).

36. Пролом древнегреческой стены на куртине 17 в Херсонесе: „а“—место пролома, сделанного стенобитным орудием, в древнегреческой стене; „б„—древнегреческая стена 1 яруса. Кладка в системе „кордоны на ребро, плиты на образок“. На камнях имеются знаки каменотесов. Стена может быть датирована IV—III вв. до р. Х.; „в“—пролом, заложенный наспех в военное время. Перестроенная стена гораздо тоньше, чем кладка 1 яруса; „г“—кладка 3 яруса эпохи IV в. по р. Х.; „д“—отверстие в стене, сделанное для хозяйственных надобностей. Надо заметить, что в последующее время стены Херсонеса служили как бы четвертой стеной для городских построек.

(Негатив Г. Д. Белова).

37. 17 куртина херсонесской стены. Здесь хорошо видны все три яруса древней кладки: 6 нижних рядов принадлежат древнегреческой кладке со знаками каменотесов. Следующие 6—7 рядов принадлежат римскому времени эпохи засыпки перибола в I веке. Верхняя кладка принадлежит средневековой эпохе. Наружная облицовка растащена окрестными жителями на строительные нужды уже в XVIII—XIX веках.

(Известия АК, вып. 21).

38. Башня XVII (так называемая башня Зенона) с северо-восточной стороны в Херсонесе. Обратить внимание на кладку внутреннего ядра башни (кладка—„кордоны на ребро, плиты на образок“).

(Известия АК, вып. 21).

39. План той же башни XVII: А—внутреннее ядро древнегреческого времени, видимое на рис. 38. В—кольцо кладки римского времени. С—лестничная клетка. Эта башня была крайней фланговой башней Херсонеса и укреплялась во все строительные эпохи города.

(Известия АК, вып. 21).

40. Приставной склеп № 1013 в Херсонесе. Склеп был устроен в земле и только верхняя площадка была в уровень с поверхностью земли. Фотография 1899 г. дает вид кладки склепа до его обрушения зимой 1899 г. См. фот. 2, е.

(Известия АК, вып. 1).

41. 16 и 17 куртины херсонесской оборонительной стены. Вдали башня XV. Нижний ярус стены дает нам образец квадровой кладки почти одинакового размера. Перед нами тип кладки для фундамента. 7 и 8 ряды представляют „кордоны на ребро".

(Известия АК, вып. 1).

42. Часть оборонительной стены Херсонеса к северу от башни XIV (куртина 15). Ныне засыпаны.

(Негатив Херсонесского музея).

43. Кладка подножия Птолемайона на острове Самофракии, построенного между 285—247 гг. до р. Х. Сравните кладку на нашем рис. 42 с этой.

(Из Benndorf-Hauser-Conze—„Untersuchungen in Samothrake", табл. XXII).

TABLE D'ILLUSTRATIONS.

Fig. 1. Plan schématique de la partie sud de l'enceinte de Chersonnèse. Les places noires ont les murs plus anciens.
Fig. 2. Vue panoramique de la porte grecque de l'enceinte de Chersonnèse. On voit—le mur de la ville, la porte („E" du plan) et les tombes №№ 1012 dans le mur et 1013.
Fig. 3. Le même mur (vue schématique). Les parties grecques, romaines et byzantines. „E"—la porte (voyez № 2).
Fig. 4. Le tombeau № 1012 dans le mur. Entrée.
Fig. 5. Le tombeau № 1012. L'entrée et la construction du mur grec du IV s. av. J.-Chr. (la date du tombeau). A droite le mur du tombeau № 1013.
Fig. 6. Le plan du tombeau № 1012. Il y avait 6 vases avec des bijoux et des cendres sans urnes.
Fig. 7. La figurine de terre-cuite (Le génie ailé), trouvée dans le tombeau № 1012 entre l'hydrie № 1 et № 2.
Fig. 8. L'hydrie № 4 du tombeau № 1012 (du musée de Chersonnèse).
Fig. 9. L'hydrie du tumulus „Zelensky" de presqu'île de Taman, trouvée en 1912 avec le statère d'Alexandre le Grand (Ermitage).
Fig. 10. Les bijoux, trouvés dans l'hydrie № 4. Le colier d'or avec sirène (très remarquable). (Ermitage).
Fig. 11. Le détail du même colier. (Voir en avant du livre).
Fig. 12. Une sirène d'or (la fibule) de Taman (trouvée dans l'hydrie, fig. 9).
Fig. 13. a) L'anneau d'or de l'hydrie № 4 (Athéna avec Niké, le type de monnaie du roi Lysimache (306—284 av. J.-Chr.); b) l'anneau d'or de l'hydrie № 3 (cliché).
Fig. 14. Un fragment de l'hydrie № 5 avec l'inscription grecque.
Fig. 15. L'inscription grecque „ἆθλον ἐξ Ἀνακτιων" (style du Timotheos-papyrus) de même hydrie № 5 du tombeau 1012 (350—300 av. notre ère).
Fig. 16. Les bijoux, trouvés dans l'hydrie № 5: colier d'or et deux boucles d'oreilles avec quadrige, Niké et Muse.
Fig. 17. Les bijoux, trouvés dans la même hydrie № 5.
Fig. 18. Les coliers du British Museum №№ 1943, 1944, 1946 et 1948 (Marshall, catalogue of jewellery... pl. XXXIV.
Fig. 19. Le détail du colier d'or, trouvé dans l'hydrie № 5.
Fig. 20. Une boucle d'oreille d'or d'hydrie № 5.
Fig. 21. Une pièce de monnaie de Locre du British Museum 390—350 av. notre ère (Marshall, catal... № 1653, fig. 57).
Fig. 22. Une boucle d'oreille d'or du British Museum № 1655 (comparer avec fig. 20!) du IV s. av. J.-Chr. De Crète.

Fig. 23. Une boucle d'oreille d'or du tumulus de Koul-Oba (près de Kertch).
Fig. 24. La porte grecque de Mégara Hyblaea (Sicile).
Fig. 25. La porte grecque de Chersonnèse Taurique, fouillée en 1899.
Fig. 26. La porte sud de Troie.
Fig. 27. La tour XV et courtine 17 à Chersonnèse. Le mur—de l'époque grecque, la tour—de l'époque byzantine.
Fig. 28. La porte de Chersonnèse. Détail du mur du Sud.
Fig. 29. La porte de Chersonnèse. Pylon du Nord avec le pilastre et le trou.
Fig. 30. Vue générale de la porte de Chersonnèse. Deux pylons du Sud.
Fig. 31. Les marques sur les pierres du mur grec de Chersonnèse. (De l'époque classique).
Fig. 32. Le pylon de la porte de Chersonnèse. Vue du Sud. Près du pylon-cénotaphe. On voit le petit escalier sur le pylon.
Fig. 33. Les parties d'aqueduc près de la porte, transportées au musée de Chersonnèse.
Fig. 34. Vue schématique de la partie sud de l'enceinte de Chersonnèse.
Fig. 35. Deux tours (XV) entre les courtines 16 et 17 de Chersonnèse. Demicercle—de l'époque héllénistique ou romaine, rectangulaire—de l'époque byzantine. Elles sont construites sur la place d'une brèche du mur (cf. fig. 36).
Fig. 36. La brèche de l'enceinte grecque (p.-etre, du temps de Mithridate?)
Fig. 37. La courtine 17. Il y a 3 rangs du mur, selon 3 époques de Chersonnèse (grecque, romaine et byzantine).
Fig. 38. Vue générale de la tour dite „de Zéno", à Chersonnèse (de N-O), № XVII.
Fig. 39. La tour de Zéno. „A"—la partie intérieure de la tour de l'époque héllénistique (voyez la figure précédente).
Fig. 40. Le tombeau № 1013 à Chersonnèse, de l'époque I—II s. av. J.-Chr. (On trouve une monnaie de l'empereur Titus).
Fig. 41. Le mur de Chersonnèse. La courtine 16. 3 rangs du mur.
Fig. 42. Le mur du IV—III s. (Chersonnèse, courtine 16).
Fig. 43. Le mur du III s. av. notre ère (297—247) du Ptoléméion (Samothrace).

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Sommaire 3

Вместо предисловия 5

Подстенный склеп, ворота Херсонеса и датировка нижнего яруса оборонительных стен Херсонеса. Введение 7

Глава I. Подстенный древнегреческий склеп, как датировочный термин нижнего яруса стен Херсонеса 10

Гидрия № 1 12

Гидрия № 2 13

Гидрия № 3 . . . . . —

Гидрия № 4 14

1. Золотое шейное ожерелье с сиреной . . . . . —
2. Золотой перстень с изображением сидящей Афины 21
3. Пара золотых серег с львиными головками 22

Гидрия № 5 23

1. Золотое ожерелье в виде плетеной тесьмы со стреловидными подвесками 24
2. Золотой плетеный жгут с пряжкой в виде гераклова узла . . . 26
3. Золотые серьги с квадригой 28
4. Золотые бляшки из гидрии № 5 35
5. Серебряный перстень с изображением головы Афродиты 36
6. Два серебряных витых браслета с золотыми головками баранов . 37

Гидрия № 6 38

Погребение № 7 . . . . . —

Глава II. Древнегреческие ворота Херсонеса 41

Глава III. Нижний ярус оборонительных стен 53

1. Квадровая кладка „логом и тычком“ . . . . . —
2. Квадровая кладка „кордоны на ребро, плиты на образок“ 54
3. Простая квадровая кладка 56
4. Мелкая кладка „логом и тычком“ . . . . . —

Примечания 58

Список рисунков 65

Table d'illustrations 70

Центральна Наукова
Бібліотека при ХДУ
Інв. № 288033